

НУЖНА ЛИ ВЕРА В БОГА?

Предисловие Голос Святой Руси

После установления в России большевицкого ига (богоборческой советской власти) безбожное государство объявило войну верующим. Легионы отвергших Бога безумцев, возглавляемые Троцким, Бухариным, Луначарским, Ярославским и прочими апостолами антихриста, бросились навязывать народу свою религию нетерпимости, лжи и насилия — безбожие. С этой целью в 1920-х годах миссионеры атеизма по всей стране проводили религиозные диспуты с верующими, один из которых мы и предлагаем вниманию читателей.

Здесь с одной стороны наступает постыдно известный Миней Израилевич Губельман (он же — Емельян Михайлович Ярославский; 1878-1943). С 1925 года этот коммунистический забияка и погромщик возглавлял Союз воинствующих безбожников, ныне общество "Знание" (какая насмешка истории!), а в 1939 году стал "академиком". Он благополучно дожил до естественной смерти, в награду за заслуги перед "красным драконом" (организованным безбожием) его труп был сожжен, а урна с пеплом вмурована в Кремлевскую стену.

Ему противостоит старообрядческий писатель и церковный деятель Федор Ефимович Мельников (1874-1960), который в год написания представляемой книги был приговорен в Томске к расстрелу за "контрреволюцию", каковой считалась религиозная деятельность. Характерно, что герой Ф.Е. Мельникова, наделенный им чертами самого автора, выступает под его любимым псевдонимом "Шалаев", которым он обычно подписывал свои наиболее острые произведения. Его речи - яркий образец христианской диалектики. Безусловно происходивший в действительности диспут, несмотря на внесенные в его текст несколько лет спустя дополнения и уточнения, почти документально воссоздает драматические события послереволюционной эпохи. Представляемое сочинение вышло в книжной серии "Опровержение безбожия", издававшейся до Второй мировой войны в Румынии, куда автор был вынужден бежать в 1931 году, переплыв зимней ночью Днестр. Эта небольшая апологетическая библиотечка, защищавшая христианскую веру, одновременно печаталась и в Париже. О ее изданиях "Вестник РСХД", представлявший в 1930-е годы свои страницы для статей самого Ф.Е. Мельникова, в юбилейном обзоре книг издательства YMCA-PRESS словами авторитетного историка русской церкви А.В. Карташова сообщал: "В богословском отделе можно указать на серию интересных книг и брошюр апологетического характера... старообрядческого публициста Ф. Мельникова"(1).

Преимущество именно старообрядческой защиты от нападков безбожных "агитаторов-горланов-главарей" сразу оценили современники опытного полемиста, жившего в те годы в глухом Измаиле. После выхода в свет очередного издания серии "Опровержение безбожия" парижская газета "Возрождение" писала: "Положение Мельникова, как старообрядца, было более выигранным на советских диспутах, нежели было бы положение православного священника при равном образовании и таланте. Ведь старообрядчество было до последнего времени верой гонимой, так что большевицким агитаторам нельзя было напирать в спорах на церковные насилия в делах веры и на служение Церкви делам полиции. Вместе с тем Мельников, человек

европейски образованный и очень умный, впитавший в себя все подлинно научные веяния современности, без большого труда громил ураганным артиллерийским огнем и приводил к молчанию устарелые, неповоротливые, мнимонаучные и мнимоопасные орудия из небогатого безбожного арсенала"(2).

Спустя два месяца та же газета, настоятельно рекомендуя прочитать книгу "Нужна ли вера в Бога?", утверждала: *"Книги старообрядческого писателя Ф.Е. Мельникова — исключительно значительное свидетельство о живом религиозном духе русского народа. Можно сказать, что из «одинокой кельи в сибирской тайге» (где писались творения Мельникова) светло и мощно льется голос самой Святой Руси"*(3).

Голос этот прошел сквозь границы, языки и десятилетия, чтобы, несмотря на все "глушилки" и соблазны "века сего", быть услышанным у себя на родине, потому что "гибель народу без слова Божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия" (Ф.М. Достоевский).

А.В. ЗНАТНОВ

1. Карташов А. 35 лет издательства YMCA-PRESS // Вестник РСХД. 1955. № 37. С. 18.
2. Т. Опровержение безбожия // Возрождение. 1937. 10 сент. (№ 4095). С. 3.
3. Л. Опровержение безбожия // Возрождение. 1937. 10 дек. (№ 4109). С. 7.

Безбожные диспуты в советской России

С первых же дней своего существования советская власть открыто и решительно заявила себя антирелигиозной, безбожной, и сразу же повела борьбу против религии, и особенно против христианства. Начались жестокие гонения. Не ограничиваясь правительственными мерами насилий, включительно до расстрелов, советская власть создала особую организацию атеистических агитаторов-миссионеров, надеясь и словом убеждения совершенно обезбожить русский народ. За счет народа и за его последние средства эти наемные апостолы безбожия разъезжают по всей стране и всюду выступают публичными обличителями и хулителями религии: созывают собрания, митинги и на них разъясняют слушателям, что религия — обман, что никакого Бога нет и что поэтому глупо и смешно верить в Него.

В качестве такого агитатора был командирован в город Томск некий Ярославский (*Ярославский впоследствии был избран председателем Союза воинствующих безбожников. — Прим. автора*). В сибирских городах он читал лекции и устраивал публичные диспуты на темы: откуда произошла религия и нужно ли верить в Бога. Через посредство местных активов советской власти он вызывал на диспуты представителей всех существующих в данном городе религий: христианской, магометанской, иудейской. Боясь преследований и жестоких наказаний за правдивое слово защиты религиозных верований, представители религий лишь в редких случаях выступали на этих диспутах. Смелые обличители безбожия после этого заканчивали свою жизнь или на каторге или под расстрелом. Слабые же, больше поневоле таковые, давали повод торжествовать безбожию на подобных диспутах.

Описываемый нами диспут состоялся в означенном выше городе в октябре 1921 года на тему "Нужна ли вера в Бога?". Ярославский по обыкновению вызвал на диспут местных представителей религий. В университетском городе нашлось бы очень много лиц, которые весьма основательно и вполне научно опровергли бы безбожие этого гастролера-агитатора. Но все они сочли совершенно невозможным, по существующим условиям, связываться с "красным зверем": быть расстрелянным никому не хочется.

Обширная аудитория Общественного собрания, где выступал Ярославский, была переполнена слушателями: не только стулья и скамьи, но и проходы и подоконники были забиты публикой. В качестве председателя собрания выступил губернский комиссар. Объяснив собрание открытым, он обратился к публике с призывом выслушать лекцию товарища Ярославского спокойно и внимательно, не смущаясь тем, что лектор будет критиковать религию и опровергать веру в Бога. "Не согласные с его положениями могут свободно возражать ему. Я гарантирую, — властно заявил комиссар, — каждому возражателю полную свободу слова: каждый может говорить что ему угодно, не боясь никаких последствий". Желающих вступить в диспут с лектором комиссар пригласил теперь же, перед лекцией, записаться и пожаловать к кафедре, на возвышение, на котором было приготовлено несколько стульев. Из публики никто, однако, не отозвался на призыв комиссара. Он снова повторил его и опять заявил, что обеспечивает полную свободу слова. Он, очевидно, понимал, что возражатели опасаются совсем не лекторских скорпионов, не словесных выстрелов, а правительственных расправ за откровенное и искреннее слово правды, которое так упорно ненавидят безбожники и так жестоко преследуют. На этот раз на призыв комиссара отозвались два лица: один священник православной церкви и один еврей.

Оба они взошли на возвышение и уселись вблизи власти. Сейчас же Ярославский начал готовить свою лекцию.

Это был мужчина лет сорока, ничем особенным не отличавшийся от остальных товарищей большевиков, в большом количестве разместившихся около кафедры и около возвышения. Лишь одна жирная шея его и лоснящееся мясистое и круглое лицо свидетельствовали, что он, не в пример местным товарищам, живет привольно и питается сытно.

Бесполезно молиться Богу

Говорил Ярославский бессвязно и бестолково, но зато самоуверенно, развязно и дерзко. Он прежде всего заявил, что тот вопрос, который он будет решать, имеет мировое значение: все народы и все племена всего земного шара верят в Бога, надеются на Его помощь, молятся Ему, призывают Его во всех случаях своей жизни.

— Но нужна ли эта вера? Помогает ли им этот воображаемый Бог? Вот в чем вопрос! — восклицал Ярославский таким тоном, что очевидно было, что весь мир ошибается, все народы, все человечество заблуждается, веруя в Бога и призывая Его себе на помощь. — Вот недавно была война с Германией, — продолжал лектор, — почти весь мир воевал, и все молились Богу: русские, чтобы им Бог помог разбить немцев; немцы, чтобы Он им помог покорить себе всех своих врагов. Молились французы, англичане, турки, японцы — все молились. Бог был в затруднении: кому же помочь? Все так горячо и неотступно просили и умоляли Его. И Он никому не помог. Победил тот, кто был сильнее и кто был лучше вооружен. Миллионы людей совершенно напрасно молились и попусту тратили время. Ясно, — заключал отсюда Ярославский, услаждаясь своими, как он думал, бесспорными и самоочевидными доводами, — ясно, что вера в Бога совсем не нужна. Сейчас, — продолжал он развивать свои доводы, — несколько десятков миллионов голодают в Поволжье, в одном Саратове ежедневно умирают по двести человек голодной смертью. И Бог им нисколько не помог. Он, как деспот, спокойно взирает на несчастья и страдания гибнущего народа. Недаром же Он в Библии семьдесят раз называется Богом мщения. Это действительно жестокий тиран, способный только мстить и губить. Зачем же в Него веровать? Зачем Ему молиться? А попы еще величают Его Господином, а себя — Его рабами. "Господи, помилуй, Господи, помилуй рабов Своих", — поют Ему, а Он и слушать их не хочет. В мире не должно быть ни господ, ни рабов: они должны быть равны. Религия же, величая своего Бога Господом — Господином, значит, проповедует рабство. — Тут Ярославский ввернул несколько похвальных слов по адресу советской власти, которая, как он заявил, уничтожила будто бы все следы былого в России рабства крестьян и рабочих и господство помещиков и капиталистов. Затем продолжал:

— Что вера в Бога совершенно не нужна, в этом может убедить нас самый простой случай. Вот мы едем в вагоне трамвая. Вдруг он остановился: в вагоне оказалась поломка. Что же мы в таком случае делаем? Представьте, что в вагоне оказался поп, мы сейчас же к нему с просьбой: "Помолись, пожалуйста, твоему Богу, чтобы вагон пошел". Да пускай он лоб разобьет, молясь и стучась о пол, — все равно вагон не пошел бы. Бог его ничего не мог бы сделать. Вместо Бога и попа мы зовем монтера. Тот осмотрел вагон, узнал, что и где случилось в нем, починил его, соединил с электрическими проводами, пустил ток, и вагон пошел. Монтер сильнее Бога, и его

инструменты действительнее поповских молитв. Не ясно ли, — опять с самодовольным и победоносным видом делал Ярославский вывод, — что вера в Бога не нужна, бесполезна и даже вредна? Нужно знание, а не Бог. Нужна работа мастеров, а не молитвы попов.

Нападки на духовенство и Церковь

В таком роде велась лекция Ярославского. Часто в ней он касался господствующей Церкви, обличал ее в том, что она заодно с правительством преследовала всех свободомыслящих людей, всех, кто служил народу, кто стоял за рабочих и крестьян. Таковых лиц заточали в тюрьмы, ссылали на каторгу, вешали, мучили. Нападал лектор на духовенство той же Церкви, которое обманывало народ, грабило его, вымогало у него деньги и всякую всячину за свои церковные требы. Отмечал, что сами христиане не следуют учению и велениям Христа. Евангелие говорит: если кто ударит тебя в одну щеку, подставь ему и другую. Но этого никто из христиан не исполняет. Напротив — они сами бьют и убивают других.

Собственно, по вопросу, нужна ли вера в Бога, Ярославский мало говорил. Он больше всего нападал на исповедующих веру в Бога и разносил их пороки, грехи и беззакония. Ввернул он в свою речь и основной взгляд атеистов на человека как на существо, развившееся из мира животных, как на потомка обезьян. Закончил решительным заключением, что вера в Бога совершенно не нужна и что и Самого Бога совсем нет.

Дружно и шумно аплодировали Ярославскому товарищи. Остальная же публика выслушала все нападки на религию и все насмешки его и издевательства над верою в Бога весьма сдержанно и молчаливо. Но некоторые места его речи, как было замечено, произвели впечатление и на нее, преимущественно на людей простых, малограмотных, неспособных разбираться в глубоких и сложных вопросах веры.

Возражения священника и еврея.

Председатель собрания, губернский комиссар, снова обратился к публике с предложением высказаться на поставленную тему и возразить лектору. На это предложение никто не отозвался. Первое слово после этого было предоставлено священнику. Владея хорошим даром слова, он произнес прекрасную речь. Но это было не возражение на выслушанную лекцию, а нравоучительная проповедь на тему слов Господа "Отче, прости им, не ведают бо, что творят" (Лк. 23, 34). Другой возражатель, записавшийся молодой еврей, прежде всего заявил, что он не является представителем религии, а выступает как частное лицо. Он тоже ничего по существу лекции не возразил безбожному лектору, сказал лишь, что верить в Бога он научился с детства и что ей учит великий мудрец Соломон, которого еще никто не превзошел в мудрости. "Если мы не будем верить в Бога, — неожиданно заключил свою речь еврей, — то мы все перережем друг друга, и все погибнет".

Таким образом, атеистическая лекция Ярославского осталась без возражений, и никакого диспута не произошло. Лектор выступил было уже с последним словом, как послышалось из задних рядов публики:

— Позвольте мне слово, господин председатель. Вместо председателя на эту просьбу поспешил ответить сам лектор. "Пожалуйста", — сказал он с явным задором и пригласил нового возражателя на кафедру. Тот с трудом протиснулся сквозь ряды публики и поднялся на возвышение.

— Ваша фамилия? — тотчас же обратился к нему председатель.

— Шалаев, — быстро и как-то небрежно ответил он, точно говоря: к чему вам моя фамилия, когда я сам тут. Это был человек средних лет и среднего же роста, с запущенными и плохо причесанными волосами на голове и с бородою, тщательно запрятанною за ворот сорочки, что можно было рассмотреть лишь вблизи. Одет он был бедно: в заплатанном русском полукафтаны и в довольно потертых сапогах. В одной руке он держал шапку, тоже довольно поношенную, а в другой — небольшой сверток, как оказалось, с брошюрами и газетами. Положив сверток на столик, прислоненный к кафедре, и прикрыв его шапкой, он начал говорить, обращаясь к публике.

Требование новых полноправных лекций

— Я шел сюда с намерением принять участие в диспуте на объявленную тему. Но, выслушав речь господина Ярославского (Шалаев выговорил слово "господина" с особым нажимом), я решил не ввязываться в диспут. По-моему, после такой речи, которую почему-то называют лекцией, никакого диспута не может быть, ибо речь эта не заключает в себе ни глубины, ни серьезности мыслей, ни тем более научных или философских положений. Я поднялся было, чтобы уже уйти из зала, как услышал из уст возражателя-еврея славное имя ветхозаветного мудреца. Мне сразу же пришли на память два прекрасных совета премудрого Соломона: "Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему", — гласит один его совет. Забыв совсем этот совет, я бессознательно или инстинктивно решил было выполнить его. Но вслед за этим советом Соломон наставляет: "Но отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих" (Прит. 26, 4-6). Именно с этой целью и в силу этого я и взял слово.

Ярославский зло посмотрел на Шалаева и презрительно пожал плечами. Председатель же счел нужным сделать внушение столь смелому возражателю.

— Я прошу вас не оскорблять товарища лектора, — сказал он внушительно и почти повелительно.

— Я цитирую готовые слова всем известных Притчей Соломона, — возразил Шалаев, — и не думаю даже кого-либо оскорблять, тем более господина лектора ("господина" Шалаев опять произнес с ударением), несмотря даже на то, что он, при вашем полном сочувствии, в продолжение почти двух часов не переставая оскорблял наши религиозные чувства, насмеялся над нашими святыми верованиями, поносил и хулил Самого Бога. Я прошу свободы слова, — взволнованно произнес Шалаев.

— Продолжайте, продолжайте, — успокоительно ответил председательствующий губернский комиссар.

— Я прошу, — опять повысив голос, произнес Шалаев, — дать мне право и возможность выступить в этом зале со своими лекциями на религиозные темы и устроить свои диспуты.

— Да вы возражайте сейчас сколько хотите и говорите что вам угодно, — перебил Шалаева председатель.

— Я не прошу, — продолжал Шалаев, не остановившись на словах председателя, — тех огромных привилегий, которыми покровительственно пользуется господин казенный проповедник казенного атеизма: он разъезжает по стране за счет наших трудовых денег, он разрушает народную веру, питаясь с народа собираемыми продуктами, он получает жалованье из наших же, народных, средств. Он разъезжает свободно, куда угодно и когда угодно. Никем и ничем он не стеснен в своей проповеди безбожия. Его охраняет правительственная власть и ее декреты, красная милиция и ее штыки и револьверы. Отовсюду он забронирован.

— Я прошу вас не касаться личности лектора, — настойчиво крикнул Шалаеву председатель. Ярославский в это время, глядя в публику, нервно тербил свою стриженую бородку и притворно улыбался.

— О, я не мечтаю даже обо всех этих привилегиях: я ведь не дворянин и не барин, — продолжал говорить Шалаев. — Я прошу очень и очень немногого: разрешите мне устроить несколько диспутов на религиозные темы в этом же зале или в другом каком помещении.

— Мы не можем вам этого разрешить, — ответил губернский комиссар.

— Почему?

— Да вы говорите сейчас что вам угодно, — опять повторил свое прежнее предложение председатель. — Не все ли равно, что сейчас вы будете говорить, что потом на своих лекциях.

— Если все равно, то и разрешите мне выступить с моими лекциями, а господин Ярославский и все, кто хочет, пусть выступят возражателями на них. Им нечего опасаться: за них власть и закон.

— Я уже вам сказал, что этого разрешить мы не можем, — сердито заявил председательствующий комиссар.

— Не другого какого-либо результата я ждал от своей просьбы, — сказал спокойно Шалаев, — но я ее предъявил с той целью, чтобы публике было ясно, что вы, при всей вашей решительной смелости, боитесь все же одного света истины. Поэтому, именно поэтому, в советской республике совершенно недопустимы и даже немислимы ни свобода слова и печати, ни свобода собраний и союзов, ни свобода совести и религиозных проповедей, да и вообще никакая свобода.

— Но я вам даю и гарантирую полную свободу здесь, — авторитетно и торжественно произнес председатель. — Никто вас пальцем не тронет, никто в трибунал не потащит. Можете говорить все, что считаете нужным.

— За эту "высочайшую милость" покорно благодарю, — отвесил поклон председателю Шалаев. — Что же делать: воспользуюсь хотя этим "всемиловитым изволением".

Разумеется, Шалаеву ничего не оставалось делать, как только воспользоваться этой "милостью", совсем ненадежной "гарантией" председателя собрания, хотя и облеченного такой самодержавной властью, как губернский комиссар, имеющий

право арестовать и расстрелять любого гражданина в его комиссарском царстве. Правительственный агитатор, устраивая лекции и диспуты, помимо тех привилегий, которые отметил Шалаев, имел еще то весьма важное преимущество, что ему, как лектору, предоставляется последнее слово, на которое уже не допускается никаких возражений. В нем он может наговорить безоглядно и без всякого удержу всякой лжи, пустить в ход всякую клевету и какую угодно глупость, высмеять, опозорить и обругать самую высокую святыню веры, растоптать и растереть кристальную чистоту религии и тому подобное. Уж эта одна привилегия казенного миссионера многих удерживала от выступлений с возражениями. Шалаев, очевидно, потому и просил разрешить ему устроить свои лекции и диспуты, чтобы лишить Ярославского вот этой привилегии. Но этого ему не удалось. Ему, как увидим, удалось гораздо больше.

Пролетарские дворяне

— Господин Ярославский, — начал было Шалаев свои ему возражения. Но его сию же минуто остановил председатель.

— Я прошу вас не называть ни товарища лектора, ни меня и никого другого господином, — сказал он наставительно и начальственно. — Ни рабов, ни господ нет в советской республике. Есть только товарищи.

— Какие же вы мне товарищи! — с искренним удивлением воскликнул Шалаев. "Дьяволу вы товарищи", — хотел он добавить, но удержался. — Вы безбожники, а я верующий человек; вы полноправные господа, а я бесправный обыватель; вы можете делать что угодно, а я — только пользоваться вашей "милостью" и "изволением". В чем же наше товарищество?

— Не хотите — не называйте вас товарищами, но и не называйте нас господами. Это оскорбление.

— Вас величает господами собственное ваше "евангелие".

— Какое евангелие? — удивленно спросил председатель.

— "Коммунистический манифест", изданный вашими "пророками" и "евангелистами" — Марксом и Энгельсом в 1847 году. Послушайте, что здесь сказано.

Шалаев достал из своего свертка брошюру "Коммунистический манифест" и прочел из него следующие строки: "Так как пролетариат каждой страны должен прежде всего завоевать политическую власть, то он превратится в господствующий класс нации". Пролетариат в России, — продолжал Шалаев, — действительно провозгласил себя, по рецепту этого манифеста, господствующим классом и стал самодержавным величеством. Принадлежа к этому господствующему классу, каждый пролетарий превратился не только в господина, но даже в царя: все пролетарии стали царями, ибо они властвуют, они царствуют, они самодержавствуют в России, а все остальное многомиллионное население лишь рабски повинуетя этому новому самодержавию. Напрасно вы, господин председатель, — обратился к нему Шалаев, — отрекаетесь от собственного титула. Другие ваши товарищи этого не делают, напротив — твердо и гордо заявляют, что они именно господа и самодержцы и что только им, и никому другому, должна принадлежать неограниченная, самодержавная власть. Вот что заявляют ваши товарищи в "Саратовской красной газете": "Только пролетариату и выразителю его коллективной воли — коммунистической партии должна принадле-

жать руководящая роль, должно принадлежать господство абсолютное при новом строительстве во всех его областях" (1918, № 242). Не простое господство, а абсолютное, безусловное, безграничное, в полном и страшном смысле — самодержавное. Я вправе поэтому величать вас не только господами, а прямо "ваши императорские величества". По последней переписи (1920), всего в России числится жителей 130 707 600 человек, из них пролетариата только 4 765 000 человек — 3,9 процента. Даже четырех процентов не набралось. Это — новые российские дворяне. Подобно своим предшественникам, старым дворянам, они пользуются даже наследственными правами: не по каким-либо личным заслугам, а лишь в силу своего рождения. Подсудимым пролетариям советские трибуналы часто дают снисхождение, а то и совсем прощают их преступления вследствие пролетарского их происхождения. Родился под забором — и за это одно тебе уважение и предпочтение. Доказал, что ты прижит не от хозяйского сына-развратника, а от соседнего пьянчужки-сапожника или от случайно подвернувшегося ломового — и вот тебя за одно это случайное обстоятельство производят в дворяне, награждают правами и преимуществами и делают тебя царем-самодержцем. Остальные же сто двадцать шесть миллионов великого русского народа превращены в рабов этих самодержавных величеств. — Я просил бы вас, — обратился к Шалаеву председатель, но без прежней настойчивости и властности, — говорить на тему лекции, а политических вопросов не касаться.

Рабство христианское и рабство атеистическое

— Именно на тему лекции я и говорю, — продолжал Шалаев. — Лектор высмеивал христианство, что оно величает Бога Господом — Господином, а своих последователей называет рабами Божиими. Рабство может быть гнусным и славным, низким и почетным. Быть, например, рабом разума и науки — разве это унижительно? Быть рабом честности, справедливости, добра, истины — разве такое рабство бесславно? Быть рабом Божиим — это и значит заключать в себе вот это именно рабство. Быть рабом Божиим — это значит быть совершенно свободным, ни от кого независимым. Для истинных рабов Божиих весь мир — ничто, все его высочества, все его величества, все его самодержцы и диктаторы — одна лишь пыль, жалкое отребье. Все его богатство, слава и честь — дым и смрад. Быть таким рабом Божиим — величайшее блаженство. Его достигают, к сожалению, очень немногие.

Быть же рабом своих низменных страстей, служить не духу, а похоти — такое рабство низводит человека до скотоподобного состояния, делает неразумным и безвольным животным. Быть же рабом у этих рабов — это еще более унижительно и более позорное для человеческого достоинства состояние. Христианская религия возвещает и утверждает первое рабство — рабство Богу, а атеистическая религия ведет к последнему рабству — рабству мертвой материи, к рабству чреву, похоти, греху. По своему политическому положению в стране вы, товарищи, — обратился Шалаев к сидевшим около кафедры чиновным пролетариям, — господа, цари, самодержцы и диктаторы, ваши императорские величества, а по своим стремлениям, по своим мыслям и чувствам, по своей духовной сущности вы — самые низкие, самые жалкие, самые несчастные, чтобы не сказать больше, рабы!

Шалаев произнес это осуждение твердо и внушительно. Среди товарищей произошло заметное движение. Ярославский что-то беспокойно шептал председателю и, видимо, волновался. Председатель приподнялся и намерен был что-то сказать, но, нервно махнув рукой, сел на место. Он так много наобещал гарантий свободы возражателю, что, очевидно, нашел неуместным остановить его, несмотря на какие-то требования лектора. Шалаев между тем продолжал:

— В возвышенном, духовном смысле человек, подлинный человек, а не оскотинившийся, есть действительно господин: он господствует своим духом над природой, он подчиняет своей воле низменные страсти, он подавляет в себе гнев, вражду, ненависть и всякий другой вид порочности и греховности. Чистая, светлая душа человека делает его настоящим господином, в нем сияет и владычествует образ Божий. Вы, товарищи, совершенно правильно поступили, отрекшись от слов "господин" и "господа". Какие же, в самом деле, вы господа, когда в вас не только нет образа Божия, но, по собственному вашему признанию, в вас нет даже души, и Самого Бога вы отвергаете. Между вами и бессловесными животными нет существенной разницы. Замечательно, что никто никогда не величает ни одно животное господином или госпожой. Как-то странно и даже дико выразиться — "господин пес", "госпожа корова", тогда как товарищами называют многих животных, особенно же собак.

— Сам ты собака! — крикнул Шалаеву один из близ сидевших товарищей. Председатель попросил своих товарищей не вмешиваться в диспут и не перебивать возражателя. Однако после этой просьбы из их рядов раздались возгласы:

— На тему говори, а не о собаках! По вопросу! По вопросу!

— Вы должны понять, дорогие товарищи, — ответил им Шалаев, — что я раскрываю перед вами содержание лекции господина Ярославского, Это он низвел вас на степень животных — собак и крыс, обезьян и мышей. Это по его верованию, да и по вашему, собственно, — вы ведь согласны же с лектором, — вы кровные родственники всем этим животным. Я же не разделяю этого унижительного и позорного верования и считаю человека особым творением Божиим, а не выродком обезьян.

Голод — помощник безбожной власти

— Лектор нарисовал страшные картины голода в Поволжье и старался возмутить и взбунтовать слушателей против Бога, как виновника этого великого бедствия. И сам говорил с возмущением и гневом. Как видно, поволжский голод не по вкусу пришелся советской власти; он до основания потряс советское здание. Мне думается, не из жалости к гибнущим голодающим волнуется и злится лектор, а из чувства досады, что голод губит советскую власть и развеял по воздуху, точно пыль, все ее расчеты. Совсем не людей жалеет он, а собственное благополучие. Когда в 1918 году свирепствовал голод в столицах и в других центральных городах, где погибли тогда в одну зиму сотни тысяч людей, представители советской власти ликовали и злорадствовали, потому что голод вынудил нашу интеллигенцию пойти в рабское служение советской власти. Вот что писал тогда один из этих представителей: "Голод — лучший побудитель к работе, и ныне он погнал интеллигентов-специалистов к нам. Их труд нам нужен, необходим, и мы берем его". Но "мы будем давать им работу под ответственностью вплоть до расстрела" (слова товарища Ленина). "Мы берем их для

строительства новой жизни. А когда придут наши новые пролетарские инженеры и техники, мы увидим «старых» или окончательно присмиренными, или выброшенными нами за борт" (Саратовская красная газета. 1918. № 249. 29 декабря). Если бы и поволжский голод дал такие же результаты, наш лектор с таким же ехидством, какое обнаружил автор прочитанных строк, отнесся бы к миллионам голодающих поволжан. Вы чем, собственно, возмущаетесь, господин лектор, — обратился к нему Шалаев, — гибелью ли голодных или "равнодушным" отношением, к ним Бога?

Ярославский молчал, как будто бы не к нему обращались. Шалаев повторил свой вопрос:

— Что вас возмущает — Бог или голод?

— И тот, и другой, — ответил Ярославский, подымаясь со стула, очевидно, намереваясь говорить дальше. Но в этот момент Шалаев успел изумленно воскликнуть:

— Вот как! Вы возмущаетесь даже против того Бога, Которого, по-вашему, совсем не существует. Это очень любопытно. Это, во всяком случае, — продолжал Шалаев, глядя на поднявшегося лектора, — более дико, чем вера дикарей в несуществующих богов, над которой вы так зло смеялись. Те, по крайней мере, сами-то искренне верят, что их боги на самом деле существуют, и поэтому их отношение к этим богам вполне естественно. А вы не верите в существование Бога, а гневаетесь на Него, поднимаете против Него возмущение, бунт.

— Я ответил с вашей точки зрения, — поправился Ярославский, — вы-то признаете существование Бога.

— Пожалуйста, со своих точек и запятых отвечайте, а не с наших, — горячо протестовал Шалаев. — За себя мы сами ответим. Не мы, а вы возмущаетесь и досадуете. Вот вас я и спрашиваю: что же вас, собственно, возмущает? За себя, за свой гнев, за свою злобу отвечайте.

— Голод, конечно, возмущает меня, гибель тысяч невинных людей, — ответил Ярославский и тотчас же поставил Шалаеву вопрос: — А вы разве этим не возмущаетесь? Разве вас не трогают ужасные страдания трудящихся масс?

Кто виновник голода

— Не спешите ставить вопросы мне, — осадил его Шалаев. — Сначала выясним, на кого нужно гневаться, а потом уж будем и самый гнев изливать. Кто же, по-вашему, повинен в этом страшном бедствии — в свирепствующем! в Поволжье голоде?

— Кто виноват? — недоумевающе вскинул свой взгляд Ярославский на собеседника и на одно мгновение остановился, точно припоминая, кто же на самом деле сотворил! эту беду. Ни на капитализм, ни на буржуазию, ни на белогвардейщину никак нельзя свалить это небывалое еще в России по своим огромным размерам бедствие.

— Кто виноват? — снова повторил Ярославский и, как бы опомнившись, ответил: — Природа виновата. Голод явился результатом длительной и ужасной засухи.

— Значит, виновато солнце, что не в меру пекло; виноваты облака, что прошли мимо Поволжья, не оросив его своими живительными каплями. Да ведь виноватым может быть только тот, кто делает сознательно, обдуманно, по собственной воле и собственному желанию. А разве солнце и облака так немилосердно разделились с

Поволжье сознательно, обдуманно? Может быть, даже сговорившись между собою, чтобы только погубить Поволжье? Если сорвавшийся со здания камень разможит мне голову, то кого же я должен винить? Камень? Если придавит рабочего упавшее дерево, стало быть, по-вашему, оно виновато? Если машина оторвет фабричному голову или руку, то опять-таки машина виновата, как виновато солнце в несчастье поволжских голодных? Так, ведь, по-вашему? — допытывал Ярославского Шалаев.

Ярославский слушал и хлопал глазами: ему и самому стало понятно, что он сказал нелепость, приписав мертвой, бессознательной природе вину голода. Между тем Шалаев продолжал:

- Да вы, как я вижу, настоящий язычник: то вы гневаетесь на того Бога, Которого, по-вашему, нет; то приписываете природе сознательные действия. Язычники боготворили солнце, луну, звезды, ветер, приносили им жертвы, молились им. Вы не делаете ли подобное? Во всяком случае, чем вы думаете на будущее время умиловать столь разгневавшуюся на вас природу?

- Да уж молебны петь не будем, — с насмешкой ответил Ярославский.

- Так что же вы поделаете с этими виновниками несчастья — солнцем и облаками?

Ярославский что-то шепнул председателю. Тот обратился к Шалаеву с требованием говорить на тему лекции.

— Ни на одну йоту не отступаю я от темы, — ответил ему Шалаев. — О голоде говорил лектор и приводил его как доказательство жестокого равнодушия к голодающим несуществующего Бога. Я сейчас выяснил, что, собственно, не Бог, а сама природа так жестоко поступила с поволжанами и так безжалостно разбила все планы советской власти. Выяснил, кроме того, религиозно-языческое отношение лектора к природе. Он верит, что природа, по собственному желанию, может или облагодетельствовать землю или покарать ее.

— Я этого не утверждал, — запротестовал Ярославский.

— Как не утверждали?! Вы же сказали, что именно природа виновата в том, что голодают поволжане. А виноватым может быть только разумно-свободное существо, сознательное. Бессознательный труп никто не станет винить в том, что он, разлагаясь, заражает воздух. Да даже живое существо, но без разума действующее, вы не станете винить. Не потащите же вы в трибунал, например, корову, если она забодает вашего ребенка.

— Я указал на природу не в том смысле, — разъяснил Ярославский, — что она на самом деле сознательно повинна в голоде, а в том, что все же засуха является причиной этого бедствия, — причиной, конечно, безвольной, случайной.

— В таком случае, кто же настоящий виновник этого несчастья? Против кого вы возмущались сами и возмущали своих слушателей? Ведь вы, полагаю, не притворялись, а искренно возмущались против кого-то. Против кого же именно?

— Собственно виноватых в этом деле никого нет, — как-то растерянно ответил Ярославский. — Винить некого: это дело случая.

— О нет! — воскликнул Шалаев. — В таком страшном бедствии должны быть виноватые. И мы их непременно отыщем. Даже в каком-нибудь незначительном крушении поезда находятся всегда виноватые. Должны тем более они быть здесь, в этом страшном событии, с которым не сравняются все железнодорожные катастрофы всего мира. Вы вот ответьте мне на такой вопрос: что, если бы у волжан были в

достаточной степени запасы хлеба и других продуктов прошлых лет, — голодали бы они тогда или нет, если бы даже и солнце пекло еще жарче, засуха была бы еще страшнее?

— Да этих запасов не было, — ответил лектор.

— Ну а если бы были? Тогда не было бы голода?

Не сразу ответил на этот вопрос Ярославский, все старался уклониться от прямого ответа, но все же вынужден был ответить, что тогда голода не было бы.

— Стало быть, — продолжал Шалаев, — голод произошел в Поволжье не оттого, что там стояла все лето засуха, а по той простой причине, что хлеба и других продуктов не оказалось на Волге. Были бы запасы на месте или доставлялись бы туда своевременно, народ тогда не голодал бы и жил бы припеваючи, сытый и довольный. У нас в Сибири никогда, ни в какие годы не родились ни лимоны, ни апельсины, однако мы всегда их имели у себя круглый год. За какой-нибудь пятак мы имели к столу в любое время свежие апельсины и лимоны. Никогда и на чай не было в Сибири урожая, никогда риса сибиряки не сеяли. Но и то и другое мы всегда имели в изобилии. А теперь ничего не имеем. За десятки тысяч рублей лимона не достать. Кто же в этом виноват? По-вашему, Бог или природа. В Сибири не было ни одной мануфактурной фабрики, но все сибирские магазины были полны мануфактурой, какой вам угодно, — и русской и заграничной. А теперь с величайшим трудом и за бешеные деньги едва достанешь какой-нибудь аршин плохенького материйца. Опять скажете: Бог в этом виноват или солнце не с той стороны припекло, облака не той дорогой прошли. Природа всегда в изобилии награждает землю. И в этом году она щедро оплодотворила землю. В одной Америке, как сообщают ваши же газеты, в текущем году уродилось столько хлеба, что им можно до пресыщения прокормить не только всю Россию, но и всю Европу. Напрасно вы злобствуете на природу. Она и в России многие области оплодотворила — получай и ешь. И не ее вина, если люди не умеют или не хотят воспользоваться ее дарами. Ни одну страну ни обогатила природа так щедро каменным углем, как Россию. Однако советская власть вынуждена покупать его за границей — за далекими морями и океанами. И тут скажете: виноват все Бог, равнодушно вззирающий на вашу неспособность под самым носом своим брать ценный клад.

В Поволжье периодически бывают недороды. Это знало хорошо старое правительство, знали еще лучше сами поволжане и поэтому всегда имели на такие годы достаточные запасы хлеба. Советская же власть своим продналогом совершенно ограбила народ, лишив его всяких запасов. Именно от этого и голодали в Поволжье сорок миллионов людей. Доведенные до отчаяния, поволжане выкапывали из могил человеческие трупы и ими питались, убивали своих детей и съедали. Людоедство развилось в такой ужасающей степени, что самой безбожной власти, проповедующей, что человек — то же животное, что и коровы и свиньи, пришлось принимать убийственные меры против людоедства. От голода и расстрелов гибли поволжане миллионами.

Вы, может быть, хотите, чтобы Сам Бог разрабатывал вам шахты и готовый уголь подавал прямо в печи? Россия — страна огромных лесов, мы окружены лесами, за границей совершенно правильно представляют нас лесными жителями: мы действительно живем в лесу. Но, к удивлению всего мира, мы замерзаем от недостатка

дров, и пролетарская власть вынуждена покупать их за границей. К нам, в непроходимые леса, везут дрова из беслесных государств. *(В 1921-1922 годах советская власть закупила большие партии дров даже в Турции)* Что может быть постыднее и позорнее такого положения! И кто виноват в этом беспримерном в истории позоре? Вы опять всю вину свалите на Бога и, может быть, будете возмущать против Него доверчивый и обманутый вами народ?! Вам хотелось бы, чтобы Бог Сам рубил вам дрова и отапливал ваши помещения. Тогда бы вы Его признали и поверили бы в Его существование. Но тогда Он был бы не Богом, а каким-то рабом, исполняющим все прихоти бездарных и ни к чему не способных лентяев и паразитов. Вам такого Бога нужно? Вы в такого Бога хотели бы верить?

Шалаев говорил горячо, возбужденно. Председатель пытался было остановить его. Но это ему не удалось, так как быстрая, безостановочная речь Шалаева не давала возможности выбрать момент для остановки оратора. Публика же слушала с напряженным вниманием. Даже сам лектор слушал, по-видимому, с увлечением: он никак не мог оторвать своего взгляда от Шалаева. А тот все продолжал.

По этому поводу было составлено тогда рабочими следующее стихотворение:
Радуйтесь, товарищи. Ура! Ура!!!
Везут нам из-за границы дрова.
— Стой, товарищи, не кричи,
Скоро привезут и кирпичи.
А когда поедут туда и за водой,
Тогда запоем "со святыми упокой".

Социалистический опыт над Россией

- Вы мечтаете сделать из природы во всем послушную вам машину, которая по первому вашему требованию исполняла бы все ваши капризы. Вы были бы барами, господами, царями, а природа была бы вашим всеподданнейшим слугою, послушным лакеем, безвольным рабом. Во всех ваших чувствах и мыслях сидит демон буржуазии и мозг ваш пропитан ядом самодержавной власти. Совсем недавно ваш вдохновитель Максим Горький печатно высказал мечты социализма о полном подчинении будущим товарищам природы. "Повсюду города, сады — вместилища величественных зданий, — пишет Горький, — везде работают на человека покоренные и организованные его разумом силы природы, а сам он, наконец, действительный властелин стихий" (Коммунистический интернационал. 1920. № 12). Вот ваши мечты! Вот к какому благополучию вы стремитесь! Подобно древним римским императорам и французским королям XVIII века, вы будете жить в великолепных дворцах, окруженных роскошными садами. Вы будете только тешиться и нежиться, только блаженствовать и наслаждаться всеми дарами природы. Не только руками и ногами вы ничего не будете делать, но даже зубы вам тогда не понадобятся: все будут делать машины, даже жевать вам пищу. Единственное будет у вас занятие: только размышлять. "Физическая энергия, — продолжает Горький, — не тратится больше на грубый, грязный труд, она переродилась в духовную, и вся мощь ее направлена к исследованию тех основных вопросов бытия, над решением которых издревле безуспешно бьется мысль". Превратитесь вы в философов и богословов, станете

какими-то необычайными попами, занимающимися исключительно духовными вопросами. Даже самая энергия ваша изменит свою природу и сделается духовной. Вот только насчет плоти неизвестно: переменится ли она. Но если уж даже энергия из физической переродится в духовную, как уверяет социалистический провидец Максим, то физическому телу и совсем легко будет превратиться в духовную сущность. Вы будете бесплотными ангелами. Что и говорить — заманчивая картина! До помрачения соблазнительная! И вот, чтобы достигнуть этого бесподобного блаженства, большевики и делают опыт сначала над Россией, а потом будут делать и над всем миром. В этой же статье Горького, которую я только что цитировал, вот что говорится о всемирном вожде пролетариата Ленине, а в его лице — и обо всем большевизме: "Для Ленина Россия — только материал опыта, начатого в размерах всемирных, планетарных". Вдумайтесь, граждане, — Шалаев продолжал свою речь, обращаясь к публике, — в это откровенное раскрытие замыслов большевизма. Величайшая в мире страна с многочисленным населением живых людей является для социализма только материалом для опыта, точно это навоз для удобрения земли или чурбан, из которого можно попробовать сделать какую-нибудь фигурку. Люди с сердцем не решаются отдавать для опыта медикам даже труп умершего родственника. Хороший хозяин даже собаку свою жалеет. А большевизм ничуть не пожалел пустить, как материал для опыта, сто пятьдесят миллионов живых людей, в том числе и женщин, и детей, и стариков. Как сознается Максим Горький, даже его, социалиста-материалиста, возмущал раньше этот большевицкий замысел. А когда опыт не удался и великая страна превратилась в развалины, он решил: так ей и надо! Подделом! "Каждый получает то, — пишет действительно Горький Максим, — что заслужил. Народ, загнивший в духоте монархии, бездеятельный и безвольный, лишенный веры в себя, недостаточно буржуазный, чтобы быть сильным в сопротивлении, и недостаточно сильный, чтобы убить в себе мещанство, но цепко усвоивший стремление к буржуазному благополучию, — этот народ, по логике бездарной истории своей, очевидно должен пережить все драмы и трагедии, обязательные для существа пассивного". Чего же стоят те слезы, которые проливал наш лектор над Поволжьем! Бога он поносил "тираном", "деспотом", бросая Ему обвинение в гибели голодающих Поволжье, а сам принадлежит к той безбожно жестокой партии, которая не пожалела не Поволжья одного, а всю великую страну и которая устами Горького провозглашает даже, что для нашего многомиллионного русского народа "обязательны" все эти страшные драмы и трагедии. "Это справедливо, -воскликает этот социалистический писатель, — каждый получает то, что заслужил". Сами разорили Страну своими безумными опытами, сами довели ее — не только в Поволжье, а повсеместно — до нищенства и голода, превратили ее в труп, и винят в этом то природу, то Бога, то бедный народ.

Бог управляет народами

— На рабоче-красноармейской конференции в Москве, состоявшейся в прошлом году, Ленин заявил: "Прежде говорили: «Каждый за себя, а Бог за всех» и сколько горя из этого вышло. Мы скажем: «Каждый за всех, а без Бога мы как-нибудь обойдемся»". (Знамя революции-1920. 2 марта). Мы теперь ясно видим, как обошлись большевики

без Бога. Путь безбожный привел к неминуемой гибели. В доказательство того, что раньше было много горя, Ленин, между прочим, указал на то, что Россия в прошлом имела блестящую внешнюю торговлю и вывозила ежегодно за границу одного хлеба семьсот миллионов пудов, накормила своим хлебом почти всю Европу. А теперь, когда большевики отвергли Бога, Россия умирает от голода и получает кое-какие крохи хлеба от Европы. Это один из многочисленных результатов безбожного опыта. Но более губительный результат этого опыта заключается в озверении людей, в их ожесточении, в духовном их обнищании. Известный английский коммунист Годвин писал в свое время по поводу французских революционных убийств: "Смерть сама по себе — еще не самое большое из человеческих бедствий". Она является даже полезной для тех, кто погиб. Она бывает страшной тогда, когда гибнут люди от ударов других людей. "Тогда нарождаются бесчисленные дурные страсти; виновники и свидетели этих убийств делаются жестокими, неумолимыми и бесчеловечными. Те, которые теряют при подобной катастрофе друга, исполняются негодованием и злобой. Распространяется недоверие человека к человеку, и расторгаются самые драгоценные узы человеческого общества. Нельзя себе вообразить положения более пагубного для процветания справедливости и развития доброжелательства" (Жорес. Политические и социальные идеи в Европе, с. 455). Именно такая катастрофа разразилась над нашей страной: все питаются вместо хлеба ненавистью, дышат злобой, мстостью. Лектор отметил, что в Библии Сам Бог называется в семидесяти местах Богом мщения. Подсчитал бы он лучше, в скольких местах Библии Бог именуется милостивым и многомилостивым. Он нашел бы этих мест больше сотни. Бог действительно милостив к людям. Сколько они совершают преступлений против Него, постоянно нарушают Его Законы, доходят до богохульства даже! А Он долготерпит и посылает еще им свои блага. Попробуй кто советскую власть так ругать, как большевики ругают Бога, немедленно же таковой будет расстрелян. Люди жестоки, немилосердны, мстительны. Ветхозаветный царь Давид просил: "Пусть лучше паду в руки Господа, ибо велико милосердие Его, только бы не впасть мне в руки человеческие" (1 Пар. 21, 13). Когда в Берлине были убиты каким-то социалистом Карл Либкнехт и Роза Люксембург, русские большевики требовали, чтобы за эти убийства была истреблена вся буржуазия всего мира, чтобы были истерзаны и убиты сотни миллионов совершенно непричастных к этому делу людей, чтобы весь земной шар был залит человеческой кровью. Вот до какого безумия доводит человеческая мстительность! Страшная картина гибели от голода поволжан совершенно бледнеет перед этим сатанинским требованием мести. В Библии потому и именуется Бог Богом мщения, чтобы люди не сами расправлялись со своими обидчиками, а предоставили это дело милостивому Господу. "Не мстите за себя, возлюбленные, — вызывает апостол Павел, — но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь»... Не будь побежден злом, но побеждай зло добром" (Рим. 12, 19—21). Если бы люди исполняли этот священный завет, если бы они всякую обиду, всякое оскорбление отдавали на волю Божию, на справедливый суд Господа, не было бы в мире ни войн, ни мести, ни вражды, ни ссоры. Все жили бы в мире, согласии и взаимной любви. Нужно бы не семьдесят раз отметить в Библии, что Сам Бог отметит всякую обиду, а семьдесят тысяч раз. Нужно всем людям в сердце своем носить это заступничество Божие. Тогда они не мстили бы своим обидчикам, да тогда и

обидчиков не было бы. Великие испытания, постигшие русский народ, послужат ему несомненно на пользу. "Нет худа без добра", — говорит мудрая пословица. Страдания и скорби имеют значение целебных средств. Смерть сама по себе, как справедливо выразился Годвин, не страшна. Ее все равно не избежишь: она — общий путь всех людей. Страшна духовная смерть, ужасна гибель души человеческой. "Не убойтесь убивающих тело, души же не могущих погубить" (Мф. 10, 28). Эту истину понимают даже социалисты. Известный писатель-народник социалист Тан высказал ее в заграничной газете "Новый мир" такими словами: "Давно жернов скрипит, это — жернов истории. Это страшная мельница перемалывает нашу душу. Пока она не смелет все дочиста, до последнего зерна, не будет нам ни хлеба, ни нового посева. И будет наш голод духовный страшнее самарского голода". Замечательно, что многие большевицкие газеты перепечатали эту статью Тани, как будто отвечающую их взглядам и верованиям. Гениальные писатели и ученые, проникновенные поэты и историки в один голос заявляют, что самые страшные страдания народа, самые великие скорби и бедствия полезны и спасительны. "Страдания, — говорил поэт Гейне, — очеловечивают даже животных". Больше того, они даже большевизм смирили, притупив ему рога и укоротив его хвост. Страшный зверь становится уже ручным. Прежняя несговорчивость большевиков, их задор и спесь куда-то сгнули или притаились. *(Оратор имеет здесь в виду новую экономическую политику Ленина, получившую название нэпа, по которой и частная торговля была разрешена, и сдача крестьянам земли в аренду, и признание царских, как выражались большевики, а в сущности старых государственных долгов, и многое другое.)* В мире ничего не творится без причины и цели. Человечество действительно направляется невидимой Рукой Какой-то таинственной Силы. Подобно опытному врачу, знающему дело, Она прописывает человечеству то горькие пилюли, то строгую диету, то ставит ему компрессы или делает припарки, то производит хирургические операции, удаляя из его тела зараженные и загнившие части, чтобы спасти от разложения и гибели весь организм. Тан называет эту Силу "жерновом истории" и "мельницей, перемалывающей нашу душу". Но дело не в названии, а в признании существования этой всемирной и всемогущей Разумной Силы, как видим, совсем не равнодушно относящейся к нашей судьбе, напротив — воспитывающей нас, как заботливый Отец.

Нужна ли вера в эту руководящую нами Высшую Силу? Если бы больной не видел и не знал, что за ним ухаживает заботливый врач, что это он дает ему пилюли и ставит компрессы с целью оздоровить его, поднять с одра болезни. Если бы в нем не жила надежда, что он лишь временно находится в больнице и что он по выздоровлении выйдет из нее на свежий, чистый, здоровый воздух, где будет жить уже безболезненно и беспечально, — если бы не было в нем этой веры, то он зачах бы душой, он пришел бы в отчаяние, сошел бы с ума. Присутствие же врача и вера в его разум, знания и в его помощь делают страдания больного почти безболезненными: все требования врача он выполняет охотно и даже радостно. Такой больной несомненно выздоровеет. Выздоровеет и человечество, если оно будет слушать и выполнять предписания своего Небесного Врача и во всем подчиняться Его воле!

При этих условиях Россия стала оправляться от разрухи. Но сталинская коллективизация снова разорила ее и погубила миллионы лучших крестьян. В наше

время опять поворачивается колесо истории на прежний здоровый путь. И Россия, несомненно, будет восстановлена.

Страдания и бедствия полезны

— Все мы знаем, — продолжал Шалаев, — я уверен, — добавил он, — что даже малознающий лектор знает, что мы находимся на земле, точно больной в лечебнице, временно. Не сегодня-завтра все мы уйдем отсюда. Прекрасно по этому поводу говорил наш гениальный писатель Толстой: "Если бы человек не сомневался нисколько в неразрушимости своей жизни после смерти, то все болезни представлялись бы ему только условиями перехода из одной формы жизни в другую — перехода скорее желательного, чем нежелательного, — и тогда он переносил бы боль от болезней так же, как мы переносим боль от напряжения труда, и не было бы страдания, и не было бы сознания прекращения деятельности, потому что во время болей мы имели бы определенную деятельность — готовиться к новому состоянию... Если помнишь это всегда, — заключает Толстой, — то как легко и радостно жить и вместе катиться туда, по той же покатоности, во власть Того же Бога, у Которого были во власти, у Которого мы теперь, и будем после и всегда" (Несколько мыслей о болезни и смерти. Полн. собр. соч. Изд. "Ясной Поляны". Ч. 6. С. 402—403). Еще выразительнее писал об этом другой наш гениальный писатель, Гоголь: "Постоянная мысль о смерти воспитывает удивительным образом душу, придает силу для жизни и для подвигов среди жизни... Содержа в мыслях пред собою смерть и видя пред собою неизмеримую вечность нас окружающую, глядишь на все земное, как на мелочь, на шалость, и не только не падаешь от всяких огорчений и бед, но еще вызываешь их на битву, зная, что только за мужественную битву с ними можно удостоиться получения вечности и вечного блаженства" (Письма Гоголя Т. III. С. 331). Вот как понимают жизнь и ее бедствия, гениальные люди, а не какие-нибудь гастролирующие агитаторы. Еще более гениальный, чем Толстой и Гоголь, писатель четвертого века блаженный Августин говорил, что в этом мире "не обеспечены от обманов и искушений" даже "святые и верные почитатели Единого Истинного и Высочайшего Бога. Ибо в этой стране изменчивости и в эти злые дни небесполезно и этого рода беспокойство, чтобы тем с более пламенным желанием стремились они к той безмятежности, где мир самый полный и надежный" (Творения. П. О граде Божиим. Кн. 19. Гл. X. С. 123). Русский народ был обманут всевозможнейшими соблазнительными обещаниями со стороны социалистов, вроде горьковского блаженства, он легко и быстро поверил тому, что на этой скорбной земле можно устроить райскую жизнь. Теперь он ниспосланными ему испытаниями убедился, что все это был обман. Вместо блаженной и беспечной жизни, — жизни без труда и забот, веселой, разгульной, праздной, какую ему сулили социалистические пророки и апостолы, он получил от них такую каторжную жизнь, такую бездну ужасов, каковых он никогда не испытывал и не знал. Не Бог, конечно, в этом виноват: люди сами, по своей воле и по своему желанию, отвернулись от Него и пошли за приманками соблазнившего их лукавого змия. Ни один благоразумный не станет винить врача, если его пациент не слушает его советов и приказаний и этим увеличивает свои болезни и страдания. „Так ему и надо!“ — с тупым бессердечием злорадствует над русским народом социалистический писатель Горький. А мы,

христиане, призываем этого больного к покаянию и к обращению к Богу и утешаем его необманными обещаниями будущей загробной жизни. Мы молим Бога о выздоровлении и помиловании этого тяжело страждущего больного. Безбожники смеются над нашими молитвами. Лектор с победоносным видом заявлял что Бог находится даже в затруднительном положении вследствие различных и противоположных просьб, обращенных к Нему: не знает-де, кому же в самом деле помочь, чьим просьбам уступить. Сказать откровенно, я еще ни от кого не слышал столь глупых рассуждений. Да разве советские трибуналы не рассматривают и не разрешают противоположных просьб? Разве суды всех стран не имеют дел с различными, сложными и друг друга исключаящими ходатайствами, просьбами, исками? Бывают судебные процессы, в которых сплетаются десятки и даже сотни всевозможнейших претензий и спорных исков. И никому никогда и в голову не приходило отвергать судебные учреждения только потому, что им приходится разбирать противоположные, опровергающие одна другую, просьбы. Только в голове нашего лектора зародилась эта нелепая мысль. Он даже не знает, что судебные учреждения и существуют для разрешения именно спорных дел, именно противоположных исков и просьб. И честные, добросовестные судьи умеют раскрыть истину, дознать, кто прав, а кто виноват в том или другом деле, и выносят свой беспристрастный и справедливый приговор. Если так обстоит дело с человеческими и поэтому все же несовершенными судами, если ими пользуются даже большевики, — то говорить после этого, да еще с лекторской кафедры, что всезнающий и всемогущий Бог не знает и затрудняется, чью же просьбу удовлетворить, — говорить это значит обнаруживать исключительно редкостное скудоумие, какое едва ли можно встретить даже среди самых низких, самых глупых, безмозглых дикарей.

Глупость — основа безбожия

Шалаев говорил резко, тоном беспощадного обличителя. Тон этот вызван всем содержанием лекции Ярославского, который все время рисовал людей религии и веры непросвещенными, невеждами, суеверными, какими-то допотопными дикарями. Сам же то и дело ссылаясь то на "здравый разум", то на "здравый смысл", то на культуру и ее изобретения. На самом же деле лекция его была сплошным вздором, обусловленным круглым невежеством в вопросах религии и веры этого разъезжего миссионера атеизма. "С таким дураком не стоит и связываться", — сказал себе Шалаев о Ярославском и решил не выступать со своими возражениями. Но упоминание имени Премудрого Соломона напомнило ему, как мы уже слышали от него, совет этого мудреца: "Отвечай глупому по глупости его, чтобы не стал мудрецом в глазах своих". Этого правила и держался Шалаев, возражая Ярославскому, чтобы не только в глазах лектора, но и в глазах слушателей показать, что этот обличитель религии и веры в Бога — большой глупец, как и вообще все атеисты — большие невежды в вопросах религии. Говоря об "исключительно редкостном скудоумии" лектора, который не знает даже, для чего существуют во всем мире судебные учреждения, Шалаев, говоривший к публике, повернулся к нему, очевидно, имея намерение поставить ему вопрос. Но увидел, что Ярославский отсутствует, а на его месте восседает другое лицо и записывает возражения Шалаева.

Это был помощник Ярославского, Гойхбарг, вместе с ним разъезжающий и помогающий ему во время диспутов. Нередко он выступает на этих диспутах или с заключительным словом, или с ответными возражениями. Он способен говорить трескучие речи и вызывать ими у товарищей сочувствие и одобрение. С удивлением посмотрел Шалаев на этого нового врага и недоумевал, куда же подевался лектор. Но в тот же момент увидел, что Ярославский пробирается среди товарищей к своему месту.

— Я извиняюсь, — продолжал Шалаев, обратившись в сторону показавшегося Ярославского, — что возражал лектору в его отсутствие. Мне очень хотелось бы, чтобы вы слышали все слова мои.

— Продолжайте, продолжайте, пожалуйста, — ответил Ярославский притворно спокойным тоном, — все, что вы говорите, записано, и на все я дам ответ и разъяснения.

Ярославский сел на свое прежнее место, а Гойхбарг поместился рядом с ним. Сию же минуту они стали перешептываться между собой. Шалаев же, снова обратившись к публике, продолжал:

— Итак, мы рассмотрели самый главный довод лектора в опровержение веры в Бога: голод и страдания людские. Мы увидели, что этот довод ничуть не опровергает веры, а лишь доказывает болезнь отвернувшихся от Бога людей. Довод этот даже служит к обоснованию веры, к раскрытию ее смысла. Он требует веры в Бога. В этом именно смысле понимают его не какие-нибудь дикари и глупцы, не умеющие понять смысла даже собственных учреждений, вроде судебных, но величайшие умы, всемирные гении, вроде тех, которых я цитировал.

Чудеса по требованию безбожников

— Перейдем теперь к рассмотрению другого довода нашего "глубокомысленного" лектора (слово "глубокомысленного" Шалаев произнес с нескрываемой иронией). Этот довод заключается в поломанном винте трамвая и, главным образом, в монтере, починившем этот вагон. Довод этот так ясен, так убедителен, что он покоряет безграмотных людей и принуждает их покинуть веру в Бога, как вещь бесполезную и совершенно ненужную. Вот испортился вагон трамвая: провода ли порвались, винты ли развинтились, колеса ли поломались — чем тут может помочь вера в Бога? Ничем. Не к вере мы прибегаем в этих случаях за помощью, а к монтеру или механику, вообще — к мастеру своего дела. Даже для самых тупых людей ясно, что вера в Бога не нужна. Это и заявил лектор, а товарищи дружно аплодировали ему, так умело и так убедительно доказавшему совершенную бесполезность веры в Бога. Другая совсем получилась бы картина, если бы случилась такая история. Вот испортился вагон трамвая. Ярославский тотчас же бросился бы к священнику: "Ну-ка, поп, помолись Своему Богу, чтобы вагон исправился". Представьте, что священник это сделал: помолился, и вагон пошел. Вы думаете, что Ярославский сию минуту поверил бы в Бога? Едва ли. Он обратился бы к этому отцу-чудотворцу с новым требованием, на сей раз уже почтительным: "Нельзя ли, батюшка, помолиться, чтобы вагон подвез меня к самому дому, без электрического тока и без рельс, так как я живу в такой улице, где нет трамвайной линии?" Если бы священник отказался совершить это чудо,

Ярославский непременно сказал бы: "Значит, вера в Бога не нужна, если уж такого пустяка она не сделает — вагона не может подвезти к моей квартире". Допустим, что священник сделал и этот "пустяк". Разве это убедило бы Ярославского и других подобных ему атеистов в существовании Бога? Бог совершил такое великое чудо, как сотворение мира. Однако безбожники и этим дивным чудом не убеждаются. Нет сомнения, что Ярославский обратился бы к священнику с новой просьбой; ведь желания людей безграничны, стремления их беспредельны. "Ваше преосвященство, — непременно с таким величанием обратился бы Ярославский к простому священнику, — нельзя ли на небеса подняться?" Если бы священник отказался совершить это чудо, Ярославский сейчас заключил бы: "Стало быть, Бог бессилен это сделать, стало быть, вера в Бога не нужна". Нельзя указать тот пункт, на котором остановилось бы желание человека, на котором он сказал бы: "Ну, теперь мне ничего не надо, всем доволен". Если бы Ярославскому сотни чудес совершить, — что я говорю: сотни, — миллионы, но не совершить какого-нибудь одного, он из за этого одного стал бы отвергать веру в Бога. Ведь в природе совершаются миллионы чудес, однако для безбожников они недостаточны и неубедительны. Безбожники даже не видят их, как слепой не видит солнца и красоты мира. Но если бы священник совершил для Ярославского и это третье чудо: подняться на небеса, то наш лектор улетел бы, и мы лишены были бы удовольствия слышать его лекцию, блещущую столь убедительными доводами. К счастью, таких чудотворцев, совершающих чудеса по первому требованию, точно заказы в магазинах, не существует. Говорю "к счастью", потому что если бы попы были такими чудотворцами, то все эти Ярославские и Тульские, все эти Горькие и Кислые социалистические писатели — все до одного полезли бы в попы, а народные комиссары — прямо в архиереи, Ленин же провозгласил бы себя патриархом или даже самим папой. Тогда никто ничего не делал бы, все творили бы одни лишь чудеса. Зачем тогда, например, комиссариату по просвещению содержать тысячи учителей и профессоров, когда их заменят все эти чудодеи? Зачем тогда тратить каждому гражданину 10 — 15 лет, чтобы стать образованным человеком, когда одним каким-нибудь чудом в один миг он все постигнет, все будет знать и сам будет творить чудеса? Тогда осуществится то чудотворное царство, о котором мечтают социалисты и о котором пророчит современный их вождь и писатель Максим Горький. Но так как этого царства пока еще нет, то во всех странах во всем мире каждый исполняет свои обязанности: монтер починяет вагоны, сапожник — сапоги, часовщик — часы, печник кладет печи, учителя учат, ученики учатся, кухарки готовят пищу: пекут, варят, жарят, а министры управляют государством. Исключение составляет только одна наша страна — Российская Федеративная Республика. Только в ней одной заставляют министров вагоны грузить, а священников — починять их, профессоров — дрова пилить и колоть, навоз счищать, а кухарок — управлять государством. В этой стране тоже своего рода чудеса совершаются. Но чудеса эти мало помогают: дров не хватает даже министрам, а кухаркам нечего стало печь и варить: поневоле пойдешь в управляющие государством. Очень заметно, что в этой диковинной стране у некоторых людей даже органы их тела смешали свои обязанности: мозг перестал мыслить, заменив собою желудок, а желудок, за отсутствием пищи, пытается заменить мозг и стал даже размышлять. Этой странностью важнейших органов человека, по примеру нашего государственного аппарата, объясняется и быстрое

распространение в России безбожия. Она же, как мне кажется, служит в причину выступления Ярославского со своей диковинной лекцией. Это я сейчас попытаюсь раскрыть.

Многоверие безбожников

— Ну-ка, милостивые государи, — обратился Шалаев к Ярославскому и Гойхбаргу, но тотчас же поправился: — Виноват, то есть господа товарищи, скажите-ка, пожалуйста, вы какую-нибудь веру исповедуете?

— Ни-ка-кой! — сердито почти крикнул Ярославский.

— Решительно никакой, — подтвердил и Гойхбарг и разъяснил еще: — Всякая вера противна разуму и знанию, науке и культуре.

— Вы, значит, и в разум не верите? — с искренним удивлением воскликнул Шалаев.

— Нет, в разум мы верим, — ответил Гойхбарг. — Мы религиозной веры не признаем. А разум — это все, он все человечество ведет вперед.

— А в науку вы верите?

— Верим!

— А в прогресс?

— Верим!

— В эволюцию?

— Конечно, верим, — с неудовольствием ответил Гойхбарг.

- И в культуру верите? И в цивилизацию?

— Ну да.

- И в будущее человечества?

- Разумеется. Что об этом спрашивать? Мы не реакционеры и не консерваторы, — опять с неудовольствием сказал Гойхбарг.

- Конечно, и в социализм вы верите?

- Еще бы! Это главная наша вера.

- Ух! Сколько у вас разных вер! — с явной иронией воскликнул Шалаев. — Вы, оказывается, не только просто верующие, а многоверующие, какие-то архиверующие, сверхверующие. У вас богов точно у древних афинян: по десятку на каждой улице. Но спрашивается: нужны ли все эти веры? Возьмем для рассмотрения хотя бы одну веру — веру в социализм. Вот поломался вагон трамвая, мы тот-час же обращаемся ко всем попам социализма, то есть ко всем его командирам, вождям и писателям с просьбой: пожалуйста, помогите вашей верой в социализм исправить вагон и пустить его в ход. Они ответят: это не наше дело, это — дело монтера, его приглашайте. Приглашаем монтера, тот быстро починил вагон, не пользуясь ни в малейшей степени верою в социализм. Она совсем ему не понадобилась. Вот порвались сапоги, мы — опять с просьбой к социалистическим попам: пожалуйста, помогите вашей верой в социализм. И тут оказалась эта вера ненужной. Шилом да дратвой починил сапоги обыкновенный сапожник, который даже не знает, что такое социализм. Вот часы испортились, исправил их часовой мастер, который тоже ни в какой степени не воспользовался верой в социализм. Даже в этом пустяшном деле вера в социализм оказалась совершенно ненужной. Да и в каждом деле в нашем жизненном обиходе, за какое бы вы ни взялись — земледелие, скотоводство, постройка домов, столярные и

плотничные работы — все-все, решительно все обходится без веры в социализм. Ясно, стало быть, что она не нужна ни для починки вагонов и сапог, ни для другого какого-либо практического дела. Долой ее, как ненужную и бесполезную вещь!

— К черту ее! — крикнул кто-то из публики.

Товарищи бросились разыскивать, кто крикнул. Публика зашумела, как встревоженная стая птиц. Председателю стоило больших усилий установить тишину и порядок в аудитории. Крикнувшего так и не открыли: публика не выдала его.

— Я требую слова! — крикнул Гойхбарг.

Председатель тотчас же предоставил ему слово, не спросив даже у Шалаева, кончил ли он свои возражения или еще будет продолжать их.

Вера в социализм—великая сила

— Товарищи! — обратился Гойхбарг к слушателям, повысив голос и приняв позу митингового оратора. — Что такое социализм? Это наше светлое будущее, это радость сердца всякого трудящегося. Это блистательное солнце, освещающее своими животворящими лучами все темные углы нашей пролетарской жизни. Разве можно жить без веры в это грядущее счастье и в это благо всех угнетенных, всех придушенных и растерзанных? Горячая вера в это будущее дает нам силы для борьбы с нашими врагами, воодушевляет нас на величайший героизм. Сколько тысяч жертв пало в этой неравной борьбе! Сколько их погибло в тюрьмах, в ссылках, в каторге, на виселицах! Что давало этим великим борцам силы мужественно переносить все страдания и идти все вперед? Это — вера в социализм.

Гойхбарг привел несколько примеров геройской гибели революционеров. Особенно ярким было самоубийство революционера Бердягина — при царизме, разумеется. Приговоренный к смертной казни, он каким-то чудом добыл морфия, иглу, гвоздь и чайную ложку. Морфия он принял слишком много: у него началась рвота, и он остался жив. Тогда он пытался проколоть иглой мозжечок — это также ему не удалось. Гвоздем он нанес себе в грудь до десяти ран. Одна из них, по заключению врачей, была смертельной: гвоздь задел сердце, и Бердягин мог прожить не более часа. Но он имел мужество вынуть гвоздь, спрятать его и перерезать черенком сломанной ложки сонную артерию, чтобы найти наконец последнее избавление. И все это в присутствии надзирателей, без единого стога, без единого лишнего движения.

— Вот как умирали революционеры! — восклицал Гойхбарг. — Кто давал им такую необычайную силу? Откуда они черпали это удивительное мужество, это святое спокойствие? Все это давала им вера в социализм. Эта вера помогла нам уничтожить в России буржуазию. С этой верой мы развеяли, как пыль, огромные армии царских генералов — Деникина, Юденича, Колчака, Врангеля. Вы знаете, сколько погибло наших товарищей в этой беспримерной борьбе? Одних убитых на полях сражений — девять миллионов. Если бы их поставить плечом к плечу, вплотную, то это была бы непрерывная стена от Питера до Владивостока. Если бы только одни отрезанные руки и ноги погибших товарищей сложить в пирамиду, то высота ее была бы более пятидесяти верст. Вот сколько жертв дала наша вера в социализм! Она ниспровергла царские престолы, она потрясла весь мир, она заставила трепетать перед нами всю мировую буржуазию, и она же победит и покорит нам весь земной шар! Без веры в социализм все замерло бы. Вера в социализм — это воздух, которым мы дышим. Без

нее нет жизни, нет ничего светлого и радостного. Без веры в социализм не стоит даже жить!..

Фейерверочную речь свою Гойхбарг произнес залпом, без передышки, точно он опасался, что кто-либо его остановит. Это была заученная речь: вероятно, Гойхбарг неоднократно выступал с нею на митингах и имел успех. И здесь она имела успех среди товарищей: они шумно аплодировали своему оратору и даже кричали "браво". Аплодировал Гойхбаргу и Шалаев, что вызвало недоумение среди слушателей. Можно было подумать, что делает это он несерьезно, а в шутку. Но первые же слова Шалаева, с которыми он выступил сейчас же после Гойхбарга, показали, что он искренно аплодировал этому оратору.

Без веры нет жизни

— Я с искренним наслаждением выслушал речь только что говорившего оратора, — начал Шалаев. — Я не имею удовольствия знать его фамилию.

— Гойхбарг Исаак Соломонович, — подсказал председатель.

— Обоснованная, воодушевленная речь его, — продолжал Шалаев, — является прекрасным ответом на основной вопрос лекторской темы: нужна ли вера? Ясно, как дважды два — четыре, оратор доказал, что вера нужна человеку как воздух, что без нее жить нельзя и не стоит жить. Вера — величайшая сила человеческой души. Без нее ничто не делается, без нее нет жизни. Она — дыхание наше, больше того: она сама жизнь. Человек без веры не человек, а труп — мертвое, окоченевшее или разложившееся тело, которое способно только отравлять воздух зловонием и заражать болезнетворными бактериями. С верою же человек может совершать чудотворные дела. Я думаю, что революционер Бердягин, о котором оратор рассказал потрясающие вещи, совсем не чувствовал боли, когда так жестоко убивал себя: вера в свою правду, вера в ожидаемое светлое будущее победили в нем чувство боли. Под сильным влиянием веры чувство это замерло, вера устранила физический закон природы. Дух человека преодолел его и заставил умолкнуть, притупить свое острие. Превосходно говорит о вере и о ее силе и значении великий апостол христианства Павел: "Верою, — сообщает он, — люди побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих". Праведные люди, по свидетельству апостола, "испытывали поругания и побои, а также узы и темницы; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке; умирали от меча; скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления. Те, которых весь мир был недостоин, — поясняет апостол Павел, — скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли" (Евр. 11, 33-34, 36 — 38). Так же как Гойхбарг, я спрашиваю: кто же давал всем этим исповедникам и мученикам силу, твердость и мужество терпеливо переносить все эти тяжкие лишения, все муки и пытки, все ужасы жизни? Их укрепляла и воодушевляла вера в правду Божию, надежда на Бога, ожидание справедливого Его воздаяния. Именно эта вера делала их сильными, стойкими, непобедимыми. Если бы Гойхбарг был знаком с житиями и подвигами христианских мучеников и исповедников, он пришел бы, несомненно, в восхищение от их необычайной силы терпения. Их рассекают на части или на медленном огне

поджаривают, а они в это время проповедуют Христа. С них сдирают кожу и обнаженные язвы обливают кислотой или посыпают солью и другими разъедающими веществами, а мученики в эти моменты радостно поют гимны своему Богу. Дух веры возвышал их над всем чувственным и телесным. Они были как бесплотные. В первые века христианства христиане шли на мучения огромными толпами, они жаждали мучений, им сладостно было страдание за Христа. Вера в Бога была для них солнцем, согревающим их души, освещающим путь к блаженной жизни. Верую они победили своих гонителей и мучителей; верую они покорили царства, привели к Христу целые народы, весь мир заставили прославлять Истинного Бога. В жизни и деятельности народа и каждого человека вера есть движущая сила, как электричество в машине. Нет этой силы — нет и движения, нет и жизни: все мертво и пусто. Нужно быть совершенно тупым человеком, чтобы утверждать, что вера не нужна людям. Вопрос лектора, составляющий содержание его лекции, является странным и диким, чтобы не сказать более. Спрашивать, нужна ли вера человеку — это все равно, что спрашивать: нужно ли ему дыхание? нужна ли ему пища? нужен ли ему воздух? Прекрасный ответ дал лектору Гойхбарг.

— Я протестую, — вдруг раздался голос Ярославского. Он перебил речь Шалаева и начал говорить, обращаясь преимущественно к товарищам.

— Мой возражатель или не понял меня, или злонамеренно извращает смысл и содержание моей лекции. Я вовсе не отвергаю веру. Я прекрасно знаю, что вера имеет огромное психологическое значение. Она действительно как пар в машине, без которого нет движения. Я сам живу верою. Я верю в прогресс человечества, верю в культуру, в науку, в разум человеческий, верю в грядущее счастье человечества, верю в великие достижения социализма. Я совершенно и вполне солидарен с Исааком Соломоновичем, блестящая речь которого так прекрасно выявила силу и значение веры в социализм. Но я опровергаю и отвергаю религиозные веры, как ложные, бесполезные, как ненужные и вредные. Истинная вера, которой живет культурный человек, отличается от всякой ложной веры двумя существенными признаками: во-первых, тем, что она утверждает то, что на самом деле существует, например социализм; это всемирный факт, это не миф, а реальность, тогда как вера в Бога — вера в неизвестный икс, в нечто несуществующее. Эта вера совершенно не нужна человеку. Во-вторых, истинная вера подтверждается всем ходом экономического развития человечества. Мы, социалисты, верим в торжество социализма потому, что оно неизбежно: и культура, и прогресс, и эволюция ведут к этому торжеству. Ход истории изменить никто не в силах. А он ведет к светлому будущему человечества. Вера в социализм несомненно оправдается, как вера в завтрашний день. Это вера истинная, разумная, научная. А вера, например, в загробную жизнь чем может быть доказана? Ничем! Это самообман. И я заявляю, что такая вера не нужна. Вот, собственно говоря, против какой веры направлена моя лекция. А вообще веру я не отвергаю. Я вполне согласен с моим товарищем Гойхбаргом, — еще раз подтвердил Ярославский.

Это разъяснение лектора не вызвало сочувствия в среде товарищей: никто из них на этот раз не наградил его ни единым хлопком. Всем было очевидно, что Ярославский сейчас отступил от основной мысли своей лекции. В ней он доказывал, что вообще вера противна разуму и науке, что она несовместима со знанием и культурой. Теперь

же он заявляет, что он сам имеет веру, что он — верующий человек. Правда, он не в Бога верит, а в социализм и в прогресс, в разум и в науку. Но это все же вера.

Самоопровержение безбожного лектора

— Я очень доволен разъяснениями Ярославского, — начал опять говорить Шалаев. — С этих разъяснений и следовало бы начать лекцию. Нужно было прямо и решительно заявить, что вера имеет полные права на существование, наравне со знанием и наукой, и даже больше их имеет значение, а потом уже разъяснять и доказывать, какая и чья вера лучше и разумнее. Вы же, — обратился Шалаев к лектору, — только одно и твердили: вера неразумна, вера не нужна; вера — суеверие, дикость, глупость. Сейчас же заявляете, что вы даже сами держитесь очень многих вер, что вы — глубоко верующий человек. Это признание делает вам честь. Но чтобы она была заслуженной, вы должны отказаться от тех ваших доказательств в опровержение веры, которые вы приводили в своей лекции. Я даже требую этого от вас во имя чести и в интересах истины.

Шалаев замолчал. Молчал и Ярославский.

— Я слышал, — продолжил свою речь Шалаев, — что вы на этом поломанном вагоне трамвая и с этим монтером выезжаете, точно рак с клешнями, на каждой вашей лекции и убеждаете ими "малых сих" (Шалаев указал на сидевших в первых рядах товарищей), которые не способны разобраться в сложных вопросах веры и доверяют вам на слово, отвергнуть всякую веру, как несовместимую с разумом. Пусть же они теперь знают, что вы их обманывали. Я настаиваю, чтобы вы заявили, что приводимые вами примеры и особенно сделанные вами выводы из них ложны, обманны, фокусны.

Шалаев опять остановился и ждал от лектора ответа. Ярославский с большой неохотой ответил:

— Я не приводил таких примеров и не понимаю, что, собственно, вы от меня требуете.

— Как не приводили? А монтер? Ведь вы так рассуждали. Вот испортился вагон и остановился. Мы обращаемся к попу, требуем, чтобы он своей верой в Бога пустил в ход вагон. Он не может этого сделать. Стало быть, ясно, делаете вы отсюда заключение, что вера в Бога не нужна. А что же нужно? Нужны руки монтера и его работа. Приходит монтер, чинит вагон и пускает его в ход. Приведенный вами пример так прост, так принудительно убедителен, что товарищи от восторга аплодируют вам. Они уверены, что этим примером совершенно опровергнута вера в Бога. Никто из них не догадывается, что этим же примером, и в такой же степени, и с такою же убедительностью опровергается вера и в социализм, и в науку, и в прогресс, и в эволюцию, и вообще всякая вера. Я становлюсь на вашу точку зрения и рассуждения, не отступая от нее ни на один волос, и тоже говорю: вот, поломался вагон, мы обращаемся к попам социализма и требуем, чтобы они исправили вагон своей верой в социализм. Они не могут этого сделать. Не только вагона исправить — сапог починить эта вера не может, гвоздя заколотить не в силах. Стало быть, ясно, что она не нужна, бесполезна. И это доказали вы сами вашими же примерами. Такой же вывод следует из них и о всякой другой вере. Каждому понятно, что тут нужна не вера, а

работа мастера. Я нарисовал бы даже такую картину. Вот поломался вагон. Чтобы исправить его, мы приглашаем всех социалистических вождей, даже всех социалистов, — пускай они попробуют верой в социализм пустить вагон в ход. Да пусть их соберутся миллионы, пусть будут принесены все социалистические "образы", то есть портреты их "чудотворцев" и всевозможнейшие знамена и хоругви, пусть пропоют все гимны и прокимны — все эти марсельезы и интернационалы, — поверьте: ни на один вершок не подвинется вагон от всех этих действий и служений, ни одна гайка не повернется, ни один крючок не пошевелится. Монтер же без всякой веры в социализм, без марсельез и интернационалов, в какие-нибудь пятьдесят минут может дать ход вагону. Ясно, стало быть, что вера в социализм не нужна, не нужны и все его лозунги, без них пошел вагон вперед. Я требую от лектора, — снова обратился Шалаев к Ярославскому, — или отказаться от веры в социализм, так как приведенный им же пример делает ее совершенно ненужной, или же заявить, что этот пример...

Шалаев не успел закончить фразы, как послышался голос Гойхбарга:

— Я вам отвечу. Я сейчас вам отвечу.

Он не дослушал требования Шалаева и начал выручать лектора. Но выручил его так, как выручил в известной басне Крылова медведь своего вожатого: на спящего вожатого села муха, прямо на лицо; желая согнать ее, медведь хватил булыжником по голове вожатого: муху-то он согнал, но вожатый уже не встал. Таким булыжником Ярославского оказалась речь товарища Гойхбарга.

"Каждое дело знает своего мастера"

— Товарищи! Наш возражатель играет на смешении совершенно различных областей: области идей и области практики, а также на смешении различных профессий в одну кучу. Это игра недопустимая, нечестная.

Гойхбарг говорил напыщенно и возбуждающе, с демагогическими приемами.

— Есть огромная область человеческого духа, — разъяснял он, — где без веры ничего не делается, ничего и быть не может. К этой области относится и вера в социализм. Он именно вливает в наши сердца тот мощный, титанический дух, которым совершаются великие дела, творится новая жизнь. Если бы в нас не горела всепожирающим огнем сильная вера в наше очаровывающее будущее, в это святое солнце наших крепких надежд, то мы ничего не могли бы сделать. Действительно, стояли бы на одном месте, как тот злополучный испорченный вагон, и чахли бы в угнетении и в тяжелом рабстве. Вера же наша, подобно вулкану, все старое разрушает и навсегда заливают новыми потоками жизни. Для того чтобы исправить вагон, нужна, конечно, не вера в социализм или прогресс или во что другое, а работа монтера. Но чтобы победить и разрушить старый мир и на нем создать новый — для этого нужна огненная вера. Именно вера, как сказано где-то, движет горы и реки останавливает. Монтер хорош и нужен на своем месте, а в другом месте и в другом деле он может быть совсем бесполезным. Мудро говорит народная пословица: "Каждое дело знает своего мастера". Обратитесь вы к тому же монтеру с просьбой починить сапоги или сшить одежду — он пошлет вас к сапожнику и портному. Сам он мастер машины чинить, а не сапоги и не одежду. А если вы обратитесь к сапожнику или портному с

требованием вагон починить, они вас пошлют к монтеру. Это так ясно, так общеизвестно, что никому и никогда и в голову не приходило считать сапожников ненужными потому, что они не могут исправлять вагонов, а монтеров — потому, что они не могут шить сапог. Представьте такую картину, — в упоении ораторствовал Гойхбарг. — В редакцию столичной газеты крестьянин приводит лошадь и просит редактора и журналистов подковать ее. Все скажут: "Дурак, куда прешь, для этого есть кузницы, а не редакции, есть кузнецы, а не писатели". Но дурак-то этот, наверное, подумает: зачем же нужны эти редакторы и писатели, когда они не могут даже лошадь подковать? Глупым признают все и того, кто требует от социалистических вождей починять вагоны...

— Bravo, bravo, товарищ! — заплодировал Гойхбаргу Шалаев. — Именно глуп тот, кто требует от служителей алтаря починять вагоны.

— Прошу вас не перебивать оратора, — строго заявил Шалаеву председатель. Но оратор уже сел и что-то разъяснял лектору, энергично жестикулируя, а тот слушал его сконфуженный и подавленный, точно его кто выпорол. Шалаев продолжал свою речь, так неожиданно прерванную Гойхбаргом.

Без веры в Бога нельзя обойтись

— Мне теперь незачем требовать от лектора, — говорил Шалаев, — отказа от своих доказательств. Их довольно удачно уничтожил помощник его. Я вполне удовлетворен его разъяснениями. Он правду сказал, что монтер, как и всякий вообще рабочий, может обойтись и обходится без веры в социализм, в прогресс и тому подобное. Эта вера ему не нужна для работы. Но без веры в Бога он не может обойтись ни в каком случае, даже если бы он был сознательным и упорным безбожником. Он в таком случае утверждал бы существование Бога бессознательно, помимо своей воли. Мы многого не сознаем и не чувствуем из того, что, например, творится внутри нашего тела. Мы не чувствуем постоянной работы нашей крови, желудочных стенок, печени, почек и других органов. Огромное большинство людей даже не подозревают о существовании некоторых внутренних органов. Но жить без них не могут. Эти органы работают помимо нашего сознания и нашей воли. Очень многое мы сами делаем бессознательно, например дышим, слышим, видим, обоняем. В большинстве случаев даже мыслим бессознательно: мысли всплывают как-то сами собой, помимо нашей воли и напряжения. Таким бессознательным действием бывает и наше отношение к Богу. Оно не осознается нами, но на деле существует. Если поверхностно судить о работе того же монтера, пример с которым так неудачно привел лектор, то, конечно, мы можем прийти к тому же нелепому заключению, к которому пришел лектор, и даже к более нелепому. Лектор утверждает только, что монтеру не нужна вера в Бога. Но с таким же правом поверхностный наблюдатель может заключить, что ему не нужен и воздух. В самом деле, зачем ему воздух; ведь не им же он починяет вагон. Ему нужны инструменты: рычаги, отвертки, клещи, молоток и тому подобное, а не воздух. Но попробуйте лишить его воздуха, которым он дышит бессознательно, он тогда не только не починит вагона, но сам станет мертвым, как вагон. Стало быть, починка вагона, как и всякая работа человека, зависит от воздуха. Без него никакое знание мастеров, никакие руки их, как бы сильны они ни были и сколько бы их ни

было, решительно ничего не могут поделаться. Так ничего не может человек сделать и без Бога. Этому могут не осознавать поверхностные наблюдатели или тупые атеисты, которые дальше своего носа ничего не видят и видеть не хотят. Мы вот порасспросим-ка лучше самого монтера: чем и как он пустил в ход вагон трамвая? Может быть, он окажется толковее и более знающим дело, чем наш лектор. "Скажи, пожалуйста, — спрашиваем мы монтера, — что ты, собственно, сделал, чтобы вагон пошел?" "А вот соединил электрические провода, и вагон пошел, — отвечает нам монтер, — ничего тут хитрого нет". — "Значит, вся сила в тебе, в твоих руках и в твоём знании?" — "Как бы не так, — смеется монтер над наивным вопросом и разъясняет: — Да если бы не было электрического тока, то миллионы монтеров ничего не могли бы сделать. Вся сила — в электричестве". "А как же нам, — спрашиваем мы монтера, — лектор Ярославский говорит, что все зависит от твоих рук?" "Э-э, — добродушно смеется монтер, — теперь таких ярославских развелось тысячи, это все верхогляды. Тут недавно один такой верхогляд, — рассказывает нам словоохотливый монтер, — такую вещь проделал. Деревенский мужик приехал в город и увидел, что в одном доме повернут вот электрическую кнопку — мгновенно появляется свет в лампочке. В другом месте увидел: нажмут кнопку, и звенит звонок. Присмотрелся он к кнопкам, заметил, какой они формы, приехал домой и давай вделывать в своей избе такие же кнопки, навешал лампочек и звонки прикрепил к стене. И начал эти самые кнопки то вертеть, то надавливать: он думал, что все дело в кнопках. Но как ой ни вертел, ничего не выходило: и звонки молчали и лампочки не горели. Вот они, верхогляды, на какую глупость способны. Дальше кнопок они ничего не видят". "А что же такое электричество?" — интересуемся мы узнать у монтера. "Этого никто не знает: ни механики, ни химии, ни физики, ни вся наука. Электричество — это таинственная сила природы, невидимая и неосозаемая. Вы по этому вопросу, — советует нам монтер, — лучше обратитесь к людям науки, специально занимающимся изучением явлений электричества".

Без Бога ничего нет

— Вот что нам ответил тот самый монтер, — продолжал Шалаев, обращаясь к публике, — которого наш лектор демонстрирует на каждой лекции в доказательство ненужности и бесполезности веры. Из расспросов монтера мы убеждаемся совсем в противоположном — в необходимости веры. Монтер надеется не на руки свои и не на инструменты свои, а на таинственную, непостижимую, невидимую силу, действующую во Вселенной. Он верит в ее существование, хотя и не видит ее и видеть не может: он верит, что это именно она пустила в ход вагон трамвая, а не он, монтер. Но этим одним не ограничивается вера монтера, как и всякого другого мастера, имеющего дело с электричеством. Он верит и не может не верить, что электричество подчинено особым законам, которые оно не может переступить. Об этом именно и говорит наука об электричестве (электродинамика, электростатика, электрохимия, электротехника, электрофизиология, электротерапия, энергетика и другие). Электричество — тайна, оно не воспринимается нашими чувствами. Значит, оно сверхчувственно. Здесь мы уже слышим аромат религии. Но мы далеки от языческой мысли обоготворять электричество. Оно есть только орудие и средство

Высшей Силы, Которая дала ему определенные свойства, поставила его в определенные границы, установила для него непреложные законы. Электричество само по себе вещь бессознательная, безвольная, не могущая что-либо и кому-либо предписывать или повелевать. Оно то же, что рука мастера. О хороших, деловых руках мы говорим: "Это — золотые руки". Но без самого мастера они и гроша не стоят. Похвала рукам, как это само собою понятно, относится к мастеру, умело управляющему ими, к его уму и способностям. Восхищаясь каким-нибудь художественным или величественным произведением человека — ученым ли сочинением, или картиною, или зданием, мы, разумеется, имеем в виду самих творцов этих вещей. За руками мы видим мастера, за чарующими нас созданиями мы прозреваем писателя, художника, архитектора. Очень многие вещи производятся машинами, при которых не видно людей. Дикарь, конечно, будет думать, подобно нашему лектору, что все дело в машине, что это она сама производит вещь. Пожалуй, начнет благодарить машину, как живое существо, молиться ей, как Богу, подателю таких добрых и нужных вещей. Но мы этого не сделаем, потому что прекрасно знаем, что машина — создание разумного человека, что это его разум, его дух и способности заставили эту огромную и сложную машину работать так, как он ей предписал и установил. Машина ничего не сознает и не чувствует: она все делает бессознательно и безвольно. Мы, конечно, часто хвалим самую машину, иногда, в увлечении ее работой, относимся к ней как к живому существу, забывая даже, что в ней работает собственно ум человеческий, создавший ее. Но в глубине нашего сознания и в такие моменты все же остается неискоренимым и неумиряющим наше представление о творце этой машины. Такое именно отношение коренится в глубине нашего духа к электричеству и ко всей природе со всеми ее дивными явлениями. Для дикаря электричество, как и машина, конечно, — живое существо — бог. Но мы, одаренные способностью проникать за границы явлений, углубляться в корень вещей, прекрасно знаем, что электричество не, первопричина, что за ним и над ним, как и за машиной, стоит Высшая Разумная Сила, ее Художник или Архитектор, — Творец, создавший его и давший ему определенные законы, которые оно не может ни отменить, ни даже преступить. Эта Высшая Разумная Сила, Этот Творец, все создавший и всему давший законы, и есть Бог. Без Его Творческой Силы ничего нет и не может быть. Работа монтера приводит нас, таким образом, к Богу.

Мы можем видеть здесь различные степени отношения к этой работе. Самый глупый человек будет говорить, что вся суть этой работы заключается в руках мастера и даже, пожалуй, не в них, а в разных инструментах — в молотке, клещах, отвертках, рычагах и тому подобном. Это они пустили вагон в ход. Не совсем глупый человек говорит, что дело в мастере-монтере, без него ни инструменты, ни самые руки ничего бы не сделали. Более развитой наблюдатель и более знакомый с делом заявляет, что, собственно, и монтер ничего бы не сделал без электричества, он только дал ему направление, так сказать запряг его, поставил в оглобли, как лошадь, оно именно и потащило вагон. Более осмысленный человек, с широким умственным кругозором, с даром проникновения вглубь вещей, разъяснит, что все дело как здесь, так и во всем мире, во всех его явлениях заключается в Первопричине, в Начале всех начал, от Которого все происходит и без Которого, по выражению христианского евангелиста, "ничто же бысть, еже бысть" (Ин. 1, 3), то есть в Высшем Всемирном и Вечном

Разуме, Творце всего сущего — Боге. Без Него все мы, со всеми нашими монтерами и вагонами, со всеми нашими лекторами и лекциями, — ничто! Весь мир без Бога — ничто, Он — во всем и во всех. Мы шагу не можем ступить без Него. Волос человеческий не может упасть с головы человека без Его воли, как образно говорит наше Евангелие о вездеприсутствии Божиим (Мф. 10, 30). Спрашивать, нужна ли нам вера в Эту Творческую, Всемогушую, Вездесушую Силу, это все равно что спрашивать: нужна ли рукам голова? нужен ли им разум? нужен ли сам человек?

Безбожие—философия свиней

— При работе рук монтера дикарь не только не видит их зависимости от разума, их направляющего, он вообще не имеет никакого понятия о разуме, для него он не существует. Попробуйте его уверить, что вся суть работы мастера — в его разуме, он этому не поверит, потому что он не видит и не слышит этого разума. Попробуйте разъяснить ему, что разум — сила духовная и по своей природе невидимая, неосязаемая, непостижимая, — дикарь только посмеется над вашими разъяснениями. Они ему чужды и непонятны, как чужды и непонятны безбожникам наши разъяснения о Боге. Безбожники подобны той уличной американской толпе больших городов, живущей только чувственными, животными потребностями, которую даже Максим Горький описал с отвращением. Это жалкие шарлатаны, фокусники, кабатчики. "Все это, — отзывается о них этот социалист, — белокожие дикари, которые только ощущают, только видят. Они не могут претворять своих впечатлений в мысли: душа их нема и сердце слепо" (очерк "Город желтого дьявола"). Более талантливо и более метко охарактеризировал подобных слепцов знаменитый наш баснописец Крылов. Помните его поучительную басню "Свинья под дубом"? Герой этой басни, выведенный в образе свиньи, есть материалист, атеист, который ограничил круг своих понятий только видимыми вещами и явлениями, только желудями, о происхождении которых он ничего не знает и знать не хочет. Подобно современным верхоглядам, свинья полагает, что все дело в желудях. Только они ее интересуют, а до дуба, который их произвел, ей дела нет. По своему свинскому неразумию она даже подкапывает его корень. То же самое делают безбожники: они признают только чувственный мир и дальше его ничего не видят и ничего не признают. "Человек есть то, что он ест", — учат они о человеке. Больше он ничего из себя не представляет. Нет никакой духовной сущности в нем — нет души, нет бессмертия. Есть только один телесный организм с многоразличными его проявлениями. Сущность религии в том и заключается, что он, кроме желудей, признает еще дуб с его корнями, раскрывает источник видимых вещей, утверждает Творца их. Религиозное мировоззрение в корне противоположно атеистическому мировоззрению. Атеизм — это философия свиньи, признание только желудей. Религия — это утверждение Первопричины бытия, вера в Бога, в Его творческую силу. Ни одно животное не проникает в сущность вещей. Ни собака, ни кошка, ни лисица, ни волк и никто из зверей и животных не имеют представления о духовном мире, о сверхчувственных явлениях. Звери и скоты — вот типичные атеисты. Впрочем, инстинктивно и они чувствуют высшую силу, но осознать ее не могут: для этого у них нет разума. Атеизм, несомненно, ниже и темнее скотства и зверства, ибо он не только превращает человека в животное, ограниченное

кругом желудей, но вытравляет из него и природное, внутреннее его чувство, познающее Верховный Разум в мире, Высшую Силу Вселенной. Самый грубый дикарь имеет представление о духовном мире, даже дикари Огненной земли знают духов — добрых и злых. Этим верованием они неизмеримо высоко поднимаются над животным миром, несмотря на свою звериную жизнь. Атеизм же не только не возвышает человека над животными, но низвергает его даже ниже животного мира. Атеизм — противоестественное явление, противоприродное; это — страшная болезнь, это — смерть. Нет, хуже даже смерти, отвратительнее всякого гниения и разложения. Шалаев все говорил и говорил, с беспощадностью бичуя атеизм и его проповедников. И странное дело: председатель, проявивший на первых порах такую придиричивость к возражателю, теперь слушал его спокойно и как будто сочувственно относясь к его речи. Спокойно слушали и товарищи. Можно было полагать, что они, под влиянием столь простой и вразумительной речи Шалаева, стали прозревать, что безбожие действительно большая дикость и беспримерное тупоумие. Но лектор и его помощник весьма заметно нервничали: то перешептывались между собой, то что-то записывали в свои тетради, очевидно, готовясь дать ответ на возражения Шалаева.

Бессилие человека и его трудов

— Я мог бы привести, — продолжал Шалаев, — сотни примеров из многообразных областей человеческих званий и деятельности — примеров, показывающих повсеместное присутствие Божественной Силы. Но для этого потребовалось бы много времени. Я поэтому и просил разрешить мне выступить самостоятельно со своими лекциями, чтобы иметь возможность с большей полнотой изложить свои мысли и основания. К сожалению, мне этого не разрешили.

— Чего нельзя, того нельзя, — как будто про себя сказал председатель и продолжал спокойно слушать возражателя. А тот продолжал:

— Я ограничусь пока только одним примером. Возьму его из всем знакомой области крестьянского земледелия. Вот, крестьянин вспахал и засеял землю. На поверхностный взгляд, все дело сделано: в известное время взойдет хлеб, только успевай убирать его. "Все дело в пахаре, — скажет лектор, — он пахал, он сеял, он боронил. Никакой тут веры не нужно. Без нее дело идет прекрасно". Но умный пахарь все поглядывает на небо, все высматривает облачко: для посева нужен дождик, иначе все труды крестьянина пропадут даром. Атеисты могут сказать, что при современной культуре можно и без дождя обойтись, стоит только воспользоваться искусственным орошением. Но агрономическая наука доказывает, что в питании растений имеют громадное значение грозы. Без них даже хорошо удобренные поля остаются скудными (Доктор И. Гунтгаузен. Роль атмосферного азота// Вестник знания. 1908. № 5. с.624). Еще большее значение имеет солнце; без него совсем не было бы растительной жизни. На огромные миллионы верст отстоит оно от нашей планеты и с этой дали влияет на наши поля и посевы. Мы зависим от него. Астрономия доказывает, что даже отдаленнейшие звезды имеют влияние на нашу жизнь. Так неразрывно связаны мы с мировым пространством какими-то таинственными и непостижимыми нитями. Впрочем, один русский ученый утверждает, что солнце "не светит и не греет", и написал в доказательство этого положения довольно убедительное сочинение

(Профессор И. Скворцов. Новая космология// Вестник знания. С. 68, 83 и др.), во всяком случае более убедительное, чем все лекции атеистических агитаторов, доказывающие, что Бога нет. Но само солнце еще более убедительно доказало, что оно не только светит и греет, но даже жжет и выжигает. Ленин гордо заявил: "Мы обойдемся без Бога". Безбожные агитаторы то же самое заявляют, да еще с насмешкой спрашивают: нужна ли вера в Бога? Когда в прошлом году была объявлена и организована всероссийская посевная кампания, Боже мой, сколько тогда кричали и писали товарищи, что теперь все будет побеждено, все нужды будут удовлетворены, все бедствия будут устранены. Все надеялись на собственные силы, все думали только о желудях, а о дубе и его корнях никто не вспомнил. Но солнце решило иначе, и от великой посевной кампании осталось одно лишь выжженное место, страшное своими ужасающими последствиями. Верховный Разум, управляющий всей природой, знает, как учить зазнавшуюся и гордую в своем оболъщении тварь. В самом деле, чем можно было убедить свинью, знающую только желуди, в существовании еще и дуба? Тут никакие разумные рассуждения не помогут, никакое красноречие не подействует. Тут нужна палка, жезл пастырский. "Если нарушат уставы Мои, и повеления Мои не сохранят, — говорит Господь, — посету жезлом беззакония их и ранами неправды их, милости же Моей не отниму" (Пс. 88, 32—34). Может быть, многие поволжане, распропагандированные безбожными агитаторами, теперь злобствуют на солнце, обзывают его, подобно нашему лектору, "жестоким деспотом", "тираном", "убийцей". Но обойтись без него все равно не могут. Оно на будущий год может наградить их своей "милостью и щедротами" или еще больше наказать зазнавшихся товарищей. Такая же история может произойти и с электрификацией. В один момент она может быть разрушена стихийными силами природы — и от великих затей и грандиозных планов советской власти останется один лишь пепел. Да что я говорю о стихиях природы! Одна вошь может уничтожить все великие и малые замыслы социализма, она одна может загнать в могилу весь большевизм со всеми его гордыми упованиями, со всеми его потугами подчинить себе всю природу!

— Ну, заврался! — крикнул кто-то из товарищей.

— На вошь съехал, — хихикнул другой.

— Величайший авторитет большевизма, — продолжал Шалаев, не обращая внимания на эти выкрики, — сам глава советского правительства и вождь международного пролетариата, В.И. Ленин пустил в прошлом году в оборот крылатое словечко. "Если мы не победим вошь, — провозгласил он, — то она слопаёт революцию". Слышите, товарищи! — обратился к ним Шалаев. — Как непрочно ваше существование, как ничтожна даже великая русская революция! По заявлению Ленина, ее может уничтожить одна вошь, ничтожнейшая козявка, самый слабый паразит. Вошь еще не побеждена и в текущем году заявляет о себе сильнее и настойчивее, чем в прошлом. Чудесный будет конец большевизма, если на самом деле его слопаёт вошь. Человек стал мнить себя богом, всемогущим существом, делает дерзкий вызов Самому Творцу Вселенной. А в это время подползает к нему самое пакостное творение, самое ничтожное, едва видимое глазом создание — вошь, и съедает этого гордого бога без остатка, без всякой даже благодарности за эту "божескую" пищу. Не правда ли, печальный конец? Да, воистину проникновенную правду сказал премудрый Соломон: "Много замыслов у человека, но исполнится только определенное Богом" (Прит. 19,

21). Вот почему умный крестьянин, вспахав и засеяв землю, поднимает свои взоры к небу.

Все зависит от Бога

— По собственному опыту и по тысячелетнему опыту всего человечества крестьянин знает, в какой всепоглощающей степени как он, так и все его дела и замыслы зависят от действующей всюду в природе творческой Силы Бога. Представьте такую картину: вот крестьянин распахал землю, удобрил ее; пошли живительные дожди, солнце пускает свои животворные лучи. Но что из всего этого выйдет? Ничего! Потому что крестьянин не бросил в землю семян. В семенах все дело, а почва и удобрение, дожди и лучи — это только средства, только условия и обстановка для жизни и прорастания семян. Эти средства для семян все равно что тело для человеческого духа: есть у человека и здоровый мозг, и неповрежденное сердце, и все внутренние органы в порядке; на своем месте и руки, и ноги, и голова. Но нет в нем души, и все это тогда мертво, труп, и ни к чему не нужно, и сам человек — не человек, а труп. Но что такое семя? Есть семя меньше той вши, перед которой всемирный вождь пролетариата испытывает такой панический и отчаянный страх. Семя представляет собой сложный организм, состоящий из различных элементов — кислорода, водорода, азота, серы, фосфора, железа, крахмала, сахара и других. Умный крестьянин знает и понимает, что кто-то это семя состроил, кто-то дал ему особые законы, кто-то вложил в него живительную силу, причем все сделал чрезвычайно разумно, так разумно, что весь ученый мир не в состоянии так сделать. Вся наука не может сделать даже макового зернышка. А этот таинственный Строитель сотворил сотни тысяч разнообразных семян и приказал им: маковому — рожать мак, хлебному — хлеб, грибному — грибы, яблочному — яблочное дерево с его плодами, всякому свое. И все Его слушаются, никто не может нарушить Его законы. Разумный крестьянин, как и всякий разумный человек, не может не чувствовать и не признавать присутствия и деятельности во всей Вселенной, во всех ее явлениях, этой Разумной, Непостижимой Творческой Силы. Как бы вы ни вбивали в голову крестьянину, что нет в мире этой Силы, он не сможет поверить этому. Если бы вы стали ему доказывать, что хотя такая Сила и есть в природе, но Она неразумна, безвольна, безлична, — и этому он не может поверить, ибо он ясно видит, что Сила эта и действия Ее не только разумны и премудры, но сверхразумны и сверхпремудры, даже непостижимы по своей премудрости. Он видит и понимает, что даже весь мир разумных и ученых людей совершенно ничто-жен со всеми своими горделивыми знаниями перед этой Всемировой Силой. Разумный крестьянин и без Ленина хорошо знает, что даже одна вошь или гнида, произведенная этой вошью, сможет уничтожить всех этих ученых и великих людей нашего земного бытия. Как же ему не испытывать глубокого чувства благоговения перед этой Верховной Силой? Всемирный вождь пролетариата трепещет перед вошью в приходит в ужас от отчаянного сознания, что она одна может слопать всю великую российскую революцию. Как же вы прикажете крестьянину не трепетать — не перед вошью и не перед другой какой-нибудь козявкой, а перед Тем Вездесущим и Всемогущим Существом, Которое все создало, всему дало жизнь и направление, всем определило границы, всем установило законы. Ему кажется смешным, что вы вшей

боитесь, а Бога не боитесь, перед этими паразитами испытываете страх и отчаяние, а перед Богом задираете нос. Ваш вопрос, нужна ли вера в Бога, для него равнозначен вопросу: нужно ли семя для посева? Он посмотрит на вас с удивлением: в уме ли вы? Вы приказываете ему не верить в Высочайший Разум, Который все создал, от Которого зависит все бытие мира, и в то же время предлагаете ему верить — и сами верите — в человеческий разум, который не может создать даже макового зерна, даже простой песчинки, а приходит в ужас от одной вши или гниды. Что же это, как не безумие? Безумна ваша вера и в социализм. Она только понапрасну губит миллионы сбитых вами с толку людей. Скажите, пожалуйста, — обратился Шалаев к лектору, — те девять миллионов убитых и растерзанных русских людей, которые пали жертвой Гражданской войны, войдут ли в блаженное царство социализма? Получат ли от этих благ хотя крошку какую-нибудь, хотя капельку сладости?

Жертвы социализма

Шалаев смолк и ждал ответа. Но лектор и не думал отвечать. Он растерянно смотрел на возражателя, вероятно, не поняв как следует поставленного ему вопроса. Шалаев повторил вопрос:

— Я спрашиваю: будут ли награждены из ваших будущих социалистических благ многомиллионные жертвы социалистической веры?

— Продолжайте, продолжайте ваши возражения, — ответил Ярославский, — на все будет дан в свое время надлежащий ответ.

— Но для возражений мне необходимо выяснить и верно понять ваши верования, убеждения, взгляды. Я не лекцию читаю. Я пришел на диспут и хочу диспутировать, то есть беседовать с вами, разговаривать, спорить. В этом суть диспута. Я прошу сейчас же ответить на мой вопрос.

Настойчивость Шалаева точно пробудила лектора от сна. Он встал и словно спросонья спросил:

— Вы о чем, собственно, спрашиваете?

— Я спрашиваю: войдут ли в социалистическое царство будущего все убитые и растерзанные во имя социализма — все эти огромные жертвы, павшие в борьбе за обещанное им блаженство?

— Вопрос совершенно напрасный, — ответил Ярославский с некоторым колебанием.

— Вы хорошо знаете, что мы, социалисты, не признаем никакой загробной жизни. Скончался человек, и все этим кончилось. Труп его превратится в навоз — и все тут. Больше ничего не будет.

Ответив, Ярославский тотчас же сел, давая этим понять, что он не намерен больше отвечать. Шалаев и не стал больше спрашивать. Собственно, и этот вопрос о погибших жертвах он ставил не для себя, а для слушавших его товарищей. Ему нужно было, чтобы именно лектор заявил, что никто из этих многомиллионных человеческих жертв ничем и никогда не будет вознагражден.

— Товарищи! — повел к ним речь Шалаев. — Знаете ли вы, за что и за кого вы боретесь, за чье счастье и блаженство вы идете на смерть, мучаетесь, страдаете? Вдумывались ли вы когда в смысл и цель вашей борьбы? Ваш товарищ Гойхбарг нарисовал жуткую картину этой борьбы. Одних убитых в Гражданской войне, по его

сведениям, девять миллионов. Нужно пояснить, что это преимущественно молодые, здоровые, жизнеспособные люди. Чего они добились? Что получили? Забытые и брошенные могилы! И только. Лектор откровенно ответил на мой вопрос, что они просто превратились в навоз. Но, сражаясь и убивая своих противников, они столько же и их, если не больше, уложили в такие же забытые и брошенные могилы. А сколько слез и горя, сколько страданий и мук принесли они оставшимся в живых своим отцам и матерям, женам и детям, родным и друзьям! И столько же горя и несчастья они принесли и родственникам ими убитых. Нет семьи в России, где бы не лились слезы по погибшим родным, нет дома, в котором не переживалось бы горе и страдания. Вся страна в крови и слезах. Кроме того, она разорена, мучается в страшных тисках голода и холода. Это ближайший результат вашей борьбы. Но это только начало борьбы. Должна, по вашей программе, произойти всемирная революция. Если в России, где буржуазия была слабой и ничтожной, где капитал был еще только в младенческом периоде, потребовалось столько жертв для борьбы с ним и, в сущности, победа над ним еще не одержана — напротив, советская власть капитулировала перед капиталом, — то какие же колоссальные жертвы потребуются для борьбы со всемирным капиталом, чрезвычайно сильным, сплоченным, испытанным? Если в России погибли десятки миллионов молодых людей, то там погибнут сотни миллионов. Весь мир будет превращен в развалины. Останутся мало способные к труду старики, слабые женщины и несмышленные дети. Когда же появится на свет Божий то блаженное, обольстительное, счастливое царство, которое обещает нам социализм? Знаете ли вы, товарищи, что никто из вас не попадет в него? Ваш писатель Максим Горький в той самой статье, которую я уже цитировал, "прозревает" новый мир в "отдаленности веков". Не через сто лет и не через двести появится он, а в отдаленных веках. Не только вам, не только детям вашим, но и внукам вашим и даже правнукам и праправнукам не придется даже лизнуть обещанного блаженства. Все вы и ваше многовековое поколение превратитесь только в навоз. Так стоит ли из-за этого бороться и так невыносимо страдать, как страдаете вы, а с вами — и вся страна? Подумайте-ка об этом. Обмозгуйте хорошенько весь смысл вашей борьбы и вашей веры в социализм. Понимаете ли, товарищи, мои разъяснения? Шалаев остановился, как бы давая время товарищам вдуматься в его разъяснения. Никто из них не отозвался на вопрос Шалаева. Но все слушали его со вниманием.

Социализм — страшный обман

— Представьте такую картину, — продолжал Шалаев свои разъяснения. — К вам, голодным, холодным, оборванным и почти нагим, приходит проповедник и говорит: "Товарищи! Посмотрите, вон там, в темном отдалении, чуть виден роскошнейший дворец. В нем тепло, уютно, весело, а главное — сытно: там всевозможнейшие яства заготовлены, есть и всякие напитки. Жизнь в этом дворце — сплошной рай: ешь, пей, веселись и отдыхай. Работайте же, товарищи, дружней, — призывает проповедник, — не жалейте своих сил и жизни. Переносите мужественно все страдания. Вам предстоят муки, пытки, истязания. Но вы идите вперед и вперед. Знайте, однако, — прибавит к этому искренний проповедник, — что никто из вас не войдет в этот дворец, никому из вас ни одной крошки не попадет с его богатых и жирных столов. Все вы и ваши

поколения погибнете от невероятно тяжких лишений и страданий". Что вы, товарищи, сказали бы такому проповеднику? Не сочли бы его предложение жестокой насмешкой над вами? И не сочли бы безумцами тех, которые приняли бы это предложение? Обещания социализма являются гораздо большим глумлением над вами, чем все угнетения, капитализма. Ведь и капитализм верует и надеется, что настанут такие счастливые времена, когда все будут делать машины, а люди будут только пользоваться их работой и наслаждаться всеми благами земного счастья. Весь мир будет утопать в неизреченном блаженстве. Капитализм надеется, что это будет даже не в отдалении веков, как мечтают социалисты, а очень скоро, может быть в следующем столетии — если, конечно, не будет к тому времени разрушен весь мир и затоплен в крови всемирными революциями. Но допустим и поверим, как вы верите в простоте своего сердца, что через многие сотни лет, и даже через тысячи лет, как заявляют более трезвые социалистические мечтатели, наступит это блаженное состояние людей. Кто же тогда будет блаженствовать? Для каких таких счастливицев вы готовите своими страданиями и кровью, своими мучениями и жизнью упоительное и обворожительное счастье? Какое сословие им воспользуется? Максим Горький уверяет, что тогдашнее поколение не будет с мозолистыми руками, что тогда вообще не будет человеческого физического труда: все будут делать машины, решительно все, — не только пахать землю и убирать посевы, но даже обеды варить и подавать их готовыми к столу. Ясно, что тогда ни пролетариата, ни крестьянства не будет. Будут одни лишь дармоеды, бездельники, люди праздные, беспечные, сытые. Это будет такая самодовольная, пресыщенная буржуазия, какой еще не создал мир. Социалистический писатель Штерн в своей книге "Государство будущего" предсказывает, что "тогда будет сплошной блеск и веселье: пурпурные плащи, пряные ароматы, сладострастные, веселые танцы, нимфы, музыка, комедии". Ученый социал-демократ Зомбарт утверждает, что у этих тунеядцев и бездельников даже чувство наслаждения будет утонченнее: их роскошь и сладострастие достигнут такого великолепия, что в сравнении с ними даже роскошь императорского Рима и блеск Венеции и расточительность Версаля будут ничтожеством. По уверению социалиста Фурье, тогдашнее поколение будет есть только изысканные блюда и пить самые тонкие вина, оно будет рослым, в семь футов вышины, и жирным, как заводские свиньи. Это будут какие-то чудовищные обжиралы и гнусные сладострастники. Им и делать больше нечего будет, как только объедаться и опиваться, развратничать и сладострастничать. О вас они даже и не вспомнят. А если и вспомнят, то разве с брезгливостью, как о каких-то удивительных идиотах, миллионами умиравших за счастье и блаженство столь буржуазного и столь развратного потомства.

— Товарищи! Понимаете ли вы, что я говорю? — повысил голос Шалаев. — Вразумительны ли вам мои разъяснения? Ясно ли вам, для кого вы жертвуете собою, своими семействами, своими поколениями, своей даже жизнью? На кого вы работаете? Чьи вы рабы? Ведь вы работаете на будущую буржуазию. Вы умираете за этих тунеядцев, бездельников, развратников. Не за себя вы гибнете миллионами, поймите вы это, и не за счастье и свободу пролетариата, а за каких-то утонченных сладострастников, за каких-то чудовищных обжор. И в этом вся суть вашей мучительной борьбы. Из-за этого вы переносите величайшие страдания. Послушайте же: не безумие ли это?

О Боже правый! Вот она, И лжи, и подлостей страница, — На каждой букве кровь видна. Какой позор! Вот эти лица Ханжей, предателей, льстецов, Низкопоклонников, рабов, Рабов расчета и разврата, Рабов бездушных, ледяных, Рабов, продать готовых брата, И друга, и детей родных, Рабов безделья, скуки праздной, Страстишек мелких и забот.

Такой меткой характеристикой поэт Никитин заклеил негодяев нашего времени. Но они в сравнении с грядущими рабами страстей просто невинные младенцы. Те будут в миллион раз гнуснее современных рабов безделья, — рабов расчета и разврата!

Сладострастие убийств и жестокостей

— Вы сами, товарищи, сравните природу теперешней буржуазии с природой той буржуазии, которую в отдалении веков прозревают социалистические пророки. Сравните и свои взаимоотношения с этими двумя буржуазиями, и вам тогда станет ясно, нужна ли вам вера в социализм, которую вы приобрели взамен веры в Бога.

Современная буржуазия все же работает, заботится, хлопочет о делах, — тогдашняя же, ради которой вы умираете, ничего не будет делать, никаких забот у нее не будет; она воспользуется всеми вашими трудами и трудами всего человечества без всяких со своей стороны усилий. Современная буржуазия имеет свое горе, переживает нередко бедствия, разорения, впадает в нищету, у ней есть страдания. Тогдашняя буржуазия, ради которой вы переносите невероятные мучения, не будет иметь никакого горя, вся жизнь ее, как рисуют ее вам ваши писатели, будет сплошным наслаждением, без тени какой бы то ни было скорби или просто неприятности. Современная буржуазия все же кое-что платит за ваши труды. Тогдашняя же буржуазия будет только гадить на ваши могилы. Современной буржуазии вы можете ставить свои условия, договариваться с нею, мстить ей и даже уничтожить ее. С тогдашней буржуазией вы ничего не сможете поделаться, она с вами и разговаривать не будет, потому что, как сознался и лектор, вы будете навозом, и больше ничем. При дореволюционной буржуазии вы были одеты и обуты, сыты и даже пьяны. А как начали работать на ту отдаленную, ужасную, чудовищную буржуазию, вы стали почти голыми, голодаете, трясетесь от холода, гибнете миллионами на многочисленных фронтах. Лектор часто ссылаясь в своей лекции на "здравый смысл" и "здравый разум". В вашей борьбе, как это всякому должно быть ясно, нет ни разума, ни смысла. Одно лишь сплошное безумие, жестокое безумие, ужасающее своими смертельными последствиями, а еще более — вашими мучительными страданиями, которыми к тому же наслаждаются ваши вожди, превратившие вас в послушное стадо баранов. Один из ваших вождей, комиссар народного просвещения товарищ Луначарский написал драму "Освобожденный Дон Кихот", в которой изобразил стремление человека к освобождению от всех скорбей и печалей земного бытия. Дон Кихот — это пролетариат. Он умоляет: "Хоть через тысячу лет дайте нам жизнь без страданий, дайте нам прохладные кущи и ковры цветов, журчанье ручья, пение птиц в рощах без хищников и жертв". В ответ на эти желанья, в сущности очень скромные, один из героев драмы граф Мурцио разъясняет: "Не думаете ли вы, что кроме жвачного счастья равенства, существует еще счастье хищников, которое вы вычеркиваете из вашего коровьего рая? Я понимаю, что ягненку очень улыбается перспектива безопасно пастись рядом со львом... Но льву?

— О, Дон Кихот, вы не знаете нас, хищников. Грубому зверю безумно сладко задрать голову лани, прокусить ей горло, медленно пить ее горячую кровь и чувствовать, как, замирая, трепещут нижние члены под его когтями. Но человек — зверь утонченный. Владеть, роскошествовать, заставляя перед собою преклоняться с благоговением и в страхе, унижать. Счастье в том, чтобы чувствовать, что силы миллионов устремлены к тебе и отданы тебе безотчетно, рабски, как некоему богу". Вот таким именно счастьем, — счастьем хищного зверя, съедающего еще трепещущую в его когтях жертву, — пользуются ваши вожди. Они сладострастно упиваются сознанием, что миллионные массы народа гибнут на их глазах по первому их приказанию. Ваша кровь их опьяняет, и им "безумно сладко". Но сладко ли вам?

— Я вынужден остановить вас, — строго-деловито заявил Шалаеву председатель. — Вы говорите не на тему лекции.

— Как не на тему? — удивился Шалаев. — Лектор говорил о вере в социализм. Вот я и разъясняю, что это за вера, к чему она ведет и чего от нее можно ожидать.

— Тема лекции — нужна ли вера в Бога?! — возразил председатель. — Об этом и говорите. Иначе я вынужден лишит вас слова и закрыть собрание.

— Просим оратора продолжать, просим! — неожиданно раздались голоса из дотоле молчавшей публики. Даже из первых рядов ее, занятых исключительно товарищами, кто-то крикнул:

— Дайте ему закончить!

Товарищи, судя по их поведению, все с большим и постепенно возрастающим вниманием слушали Шалаева. Нет сомнения, что под влиянием его разъяснений они стали прозревать в "отдалении веков" не свое будущее, а каких-то дармоедов, праздных бездельников, ожиревших мерзавцев, которые на самом деле будут только хохотать над теперешними жертвами пролетариата. Действительное же будущее всех этих бесчисленных жертв, всех несчастных товарищей — одни лишь могилы, одно лишь превращение в навоз. Только ослепленные не видят этого неизбежного, мрачного будущего; только опьяненным безумными мечтами социализма рисуются обаятельные картины блаженства и счастья. Но кто же будет пользоваться райским наслаждением, если оно, поверим, и на самом деле когда-нибудь осуществится на земле? Не мы, и не дети наши, а кто-то другой. Это становилось ясно для товарищей, слушавших Шалаева, и они хотели дослушать его возражения. И сам председатель охотно слушал; и если он остановил возражателя, то лишь, как можно догадываться, по требованию лектора, который перед тем настойчиво что-то внушал ему. Но, услышав просьбы публики, и даже из среды товарищей, председатель успокоился. И Шалаев продолжал свою речь.

Гнуснейшее рабство

— Во время крепостного права русские крестьяне были на положении как бы рабов. Помещики распоряжались ими. Их гоняли на так называемые пригоны: под надзором строгих бургомистров или других доверенных помещика они пахали землю, боронили, пололи, сеяли, жали, молотили. Работали иногда до изнеможения. Отстающих в работе подгоняли кнутом. Тогда, бывало, и пороли крестьян. Положение их было тяжелое, унижительное, рабское. Но ваше, товарищи, положение под

железным игом ваших вождей несравненно хуже, унижительнее и безнадежнее. Тогдашние крестьяне все же питались от плодов своих работ, и им многое перепало с возделываемых ими полей. У хорошего помещика они и совсем хорошо жили. История крестьянства, даже самые мрачные ее страницы, не знает столь бедственного, столь губельного, столь кровавоубийственного состояния народа, в котором находитесь теперь вы. Да и вообще история рабства, где бы оно ни было — в Риме ли, Греции или в Египте, — не раскрывает нам таких ужасных картин страдания, какими переполнена наша теперешняя жизнь социалистической республики. Ваше рабство хуже всякого рабства, ваше положение унижительнее всякого скотского состояния. Оно унижительно и позорно не потому только, что вы много работаете и страдаете, и не потому даже, что вы гибнете миллионами на всевозможнейших фронтах — трудовых и военных, а по своему внутреннему содержанию, по своему смыслу, вернее сказать — по своему идейному безумию, по дьявольски жестоким целям, которым вы служите и ради которых вас истребляют, как мышей или вредных насекомых. Представьте, что вас целыми миллионами выгнали на огромное поле работать. Под ударами кнута и шомполов вы выкорчевываете это поле, расчищаете, вспахиваете. Тут же, на ваших глазах, убивают ваших товарищей, растерзывают на куски и, как тучное удобрение, разбрасывают по полю. Собственно, вас самих заставляют проделывать эту братоубийственную операцию. На ваших же глазах умирают от голода и холода ваши жены и дети. Их, изможденных и растерзанных, тоже превращают в удобрение. Ваши деспоты, угнетающие вас непосильной работой и мучащие вас голодом, говорят вам при этом, что и вас самих так же убьют и растерзают, как убили и растерзали ваших товарищей, ваших отцов, матерей, жен и детей. И снова порют вас эти деспоты, хлещут, засекают, принуждая к каторжному труду. От вас они притом не скрывают, что это поле разделяется совсем не для посева хлеба или других каких-либо продуктов и не для вас оно готовится и не для вашего потомства. Совсем нет. Тут взойдет чертополох и другие подобные же сорняки. Скажите же, товарищи: не безумие ли такая работа? Дьявол не мог бы придумать более гнусной работы. Но она, в сущности, только бледная тень того безнадежного, бесцельного, безумного рабства, которое несете вы с таким удивительным самоотвержением и с такими огромными жертвами. Это вы возделываете поле истории для будущего чертополоха — тех праздных тунеядцев, которых Максим Горький прозревает в "отдалении веков", тех жирных и хищных паразитов, которых с таким смакованием рисуют нам социалистические писатели Фурье, Штерн, Зомбарт и другие. Это вы, как навоз, идете на удобрение этого исторического поля. Это вас с этой единственной целью убивают миллионами, мучают голодом, пытаются, растерзывают, а с вами вместе — и ваших жен и детей, ваших отцов и матерей. Этой позорной, небывалой еще в истории по своей убийственности в по количеству жертв картине придает еще особую жестокость и гнусность то обстоятельство, что вы, товарищи, за все эти унижения, за все невероятно мучительные страдания еще и благодарите своих деспотов и убийц, целуете им руки и ноги, молитесь на них, как на богов, прославляете их, как величайших своих благодетелей. Нет на человеческом языке нужных слов, которыми можно было бы в должной полноте определить весь этот позор и ужас! Голодающее Поволжье переживает теперь ужасное бедствие: голодные едят что попало, даже

помет и собственные испражнения, выкапывают из могил мертвецов и ими питаются. Многие кончают самоубийством, дети бросаются в колодцы и тонут. Бывают случаи убийства матерями своих детей, которых и съедают. Жуткие, потрясающие картины! От них сам мертвеешь. Но все это временное бедствие, случайное несчастье, вызванное грабительской продовольственной политикой безбожной власти. Другое дело — ваше положение и ваши цели. Они ужаснее этого голода по своему идейному смыслу и по своим стремлениям. Голод — стихийное событие. А ваше положение и ваш путь со всеми его бесчисленными жертвами есть результат идей и верований ваших социалистических вождей и вдохновителей — дело сознательное, обдуманное и рассчитанное. Если я случайно споткнулся и упал в лужу, тут ничего нет позорного и обидного. Но если меня кто-либо насильно втиснет в эту лужу, намеренно выпачкает в грязи — тут уже большая обида и оскорбление, тут унижена человеческая личность, растоптаны ее достоинство и честь. В вашем положении рабов вы страдаете не только физически, но и духовно, ибо в вас ваши вожди не признают никакой духовной ценности, никакой души. Вы, по их оценке, — только навоз, только удобрение для того исторического поля в грядущих веках, на котором расцветут колоссальные обжоры, невиданные еще тунеядцы, беспримерные развратники. Все прошлые мировые пошляки и сладострастники, вроде Нерона и Калигулы, будут казаться совсем маленькими мерзавцами в сравнении с этими неимоверно циничными и наглыми похотливцами, для скотского блаженства которых вы служите, из-за которых вас морят голодом и холодом, убивают миллионами и из-за которых сделали из вас гнуснейших рабов, обоготворяющих своих тиранов и кровопийц!..

Дьявольский водевиль

— Понимаете ли, товарищи, что я говорю? — снова спросил их Шалаев. Ему все казалось, что они никак не могут разобраться в том, что он им разъясняет, что в их отуманенные социализмом головы никак не входят высказываемые им мысли. Но на этот раз он услышал с их стороны ответ:

— Понимаем, понимаем! Хорошо понимаем! — раздалось несколько голосов.

— Поймите же и запомните, — опять продолжал Шалаев, — что никто из вас не получит ни единой капли из того роскошно-пленительного царства социализма, которым оболестили вас социалисты. Никто из ваших детей, внуков и правнуков не войдет в него. Поймите, что, по вычислениям даже более пылких социалистических пророков, это царство может наступить через тысячелетия. Более же трезвые предвидят его через десятки и даже сотни тысяч лет. Поймите и запомните, крепко вбейте себе в головы, что в том социалистическом царстве будут не труженики, а дармоеды, не пролетарии, а самые обжорливые буржуи, не праведники, а разнузданные развратники. Для их бездонных утроб вы несете многочисленные жертвы, ради услаждения их животных чувств вы отдаете свою жизнь. Вы — рабы их чрева, их похоти, их разнузданности. Если низки, пошлы и гнусны рабы собственного чрева, то в какой же степени более мерзки и более отвратительны рабы чужого чрева, притом обоготворяющие его, приносящие ему все свои ценности, жертвующие ему даже жизнь свою. Поймите и запомните: по учению безбожного социализма, у вас, после всех ваших страданий и мучений, один-единственный конец — вы

превращаетесь в навоз, в удобрение. Послушайте, что об этом говорит видный советский агитатор безбожия С.К. Минин: "Когда человек умирает, он разлагается, переходит в почву, из почвы — в растения и животных. Куда же девались все миллионы умерших после войны? Из них, товарищи, — разъясняет Минин, — как это ни прискорбно, великолепный урожай хлебов бывает: человек своею кровью и телом удобряет землю. И значит, тело человека переходит в землю, в верхнюю поверхность почвы, а оттуда, через корни растений, — в животных, а животных поглощают люди, и таким образом мы не в прямой форме, но все-таки косвенно питаемся телами наших предков" (Минин С.К. Религия и коммунизм. ГИЗ, 1919. С. 31). И теперь вас съедает социализм и пьет вашу кровь, да еще и после смерти вашей будет продолжать питаться вашими же телами и вашей же кровью. Ни души, ни бессмертия, ни иной духовной жизни социализм не знает и не понимает. Вся жизнь, по его учению, есть какой-то дьявольский водевиль, в котором весь смысл человеческого бытия заключается только в поедании друг друга — живых и мертвых, только в материальном круговороте. Такова-то ваша вера — мрачная, мертвящая, убийственная! Полную противоположность ей представляет вера христианская — вера в Бога и в загробную, вечную жизнь...

Рабоче-крестьянская власть

— Объявляется перерыв на двадцать минут! — неожиданно и громогласно объявил председатель, не предупредив о нем заранее возражателя.

Никакой необходимостью перерыв не вызывался. Но он, как оказалось, нужен был лектору. Он именно и настоял перед председателем, чтобы был сделан перерыв. Председатель, лектор и его помощник тотчас же ушли на какое-то совещание. А у Шалаева завязался разговор с товарищами, окружившими его плотным кольцом.

— Вы что же, — обратился к нему один из товарищей с носом, загнутым как у филина, — стоите за крепостников? За господство помещиков и капиталистов?

— Откуда вы это взяли? — удивился Шалаев.

— Из ваших речей: вы доказывали, что рабочим жилось лучше при господстве капитала.

— Да, это я говорил. Это несомненный факт, который едва ли станут отрицать сами рабочие и крестьяне. Но отсюда совсем не следует, что я стою за капиталистов и помещиков. Я лишь доказывал, что социализм обманул рабочих и что от него им несладко. Что он им дал? Голод, нищету, эпидемии, смерть...

— А рабоче-крестьянская власть? Разве из-за нее не стоило вести народу борьбу? Это величайшее приобретение пролетариата, — с некоторой торжественностью и гордостью произнес товарищ с носом филина.

— А по-моему, карасю все равно, — возразил на это Шалаев, — поджаривают ли его на постном масле или на скоромном. Пожалуй, народу еще обиднее, что его угнетает собственная его власть. Но если хорошенько приглядеться к этой власти, так ведь она совсем не рабочая и тем более не крестьянская. Среди народных комиссаров, стоящих во главе республики, я не вижу и не знаю ни одного рабочего и ни одного крестьянина. Да что об этом говорить, — махнул рукой Шалаев и отвернулся от "филина" к группе рабочих.

— Ну что, товарищи, поняли вы хотя что-нибудь из моих разъяснений о вашей вере в социализм? — спросил он их.

— Как не поняли? Поняли, — ответил ближе всех стоявший парень лет тридцати с рябым, корявым лицом, на котором твердо сидел прямой нос и открыто смотрели добрые, ясные глаза. — Да что ж нам делать? Мы этот социализм понимали, что он дает добрую жизнь. А в Бога мы верим. Как не верить в Него.

Эти слова добродушного парня вызвали смех у некоторых товарищей. Они, очевидно, уже отрелись от Бога. "Как они отравлены! Ах, как они отравлены", — подумал о них Шалаев.

В это время кто-то из публики сунул в руку Шалаева скомканный клочок бумаги. В нем было написано карандашом: "Будьте осторожны, вас хотят арестовать". Шалаев тотчас же нырнул в ряды публики и отыскал там своего друга, с которым вместе пришел на диспут. С ним он о чем-то долго говорил втихомолку и все поглядывал по сторонам, опасаясь, очевидно, как бы кто не подслушал их интимный разговор. Друг после разговора куда-то отправился, а Шалаев пошел к кафедре. В это время зазвенел звонок, возвещающий об окончании перерыва. Появился и председатель в сопровождении Ярославского и Гойхбарга.

— Диспут возобновляется! — провозгласил председатель и добавил: — Во время перерыва записались еще шесть ораторов, желающих говорить. Ввиду этого речи ораторов, в том числе и Шалаева, не должны превышать пяти минут.

Шалаев запротестовал. После долгих препирательств ему разрешено было продолжить свою речь до десяти минут. Вся эта махинация с записью новых ораторов была проделана лектором и его помощником с целью сорвать возражения Шалаева. Это, однако, не спасло безбожных агитаторов от окончательного провала. Шалаев продолжал свою речь.

Безбожие — религия смерти, христианство — религия вечной жизни

— Безбожие, — говорил он, — есть своего рода религия, ибо и у него имеются свои "боги" и свои "святыни". Но это религия смерти, религия разложения и тления. И безбожие имеет веру в загробное существование, куда и сопровождает своих последователей. Но существование это очень незавидное — навозное, гнойное, клозетное. Может ли вера в такую загробную жизнь дать какое-либо утешение? Утешаться тем, что ты сгниешь, радоваться тому, что тебя после смерти употребят в удобрение или съедят, едва ли возможно. Такая вера не только не нужна для жизни, но в убийственной степени вредна, потому что она самую жизнь нашу делает совершенно бессмысленной и ненужной. Безбожие — это мракобесие, ложь и безумие. Оно в такой степени противоположно христианству, в какой тьма противоположна свету и смерть — жизни. Христианство есть религия жизни, вечной жизни, нетленной, бесконечной, божественной. Для него земное пребывание — только переход в иной, духовный мир, где нет уже смерти. Вера в Бога и в загробную жизнь дает смысл нашему существованию на земле: мы здесь проходим только подготовительную полосу, как до этого проходили образовательную жизнь в материнском чреве. Как нелепо было бы устраиваться на вечную жизнь в утробе, так нелепо ограничивать нашу жизнь только земным существованием. И как после рождения

открывается человеку новая жизнь, совершенно отличная от утробной, так после смерти наступает жизнь иная, не похожая на земную, духовная, вечная. Христианская религия есть светоносный путь в вечность. Она поэтому дает утешение и радость, твердость и силу. О величайшем значении христианства в жизни народов и государств, о значении его в делах прогресса и культуры написаны учеными-исследователями целые горы книг. Все они в один голос утверждают, что христианская религия очеловечивает жизнь людей, облагораживает их, возвышает над всем низменным, пошлым и злым. Ограниченный десятью минутами, я лишен возможности цитировать многочисленные отзывы и характеристики ученых людей. Никто еще из разумных людей не называл христианскую веру неразумной, тогда как вера в социализм, как мы видели и как это всем должно быть ясно, есть страшное умопомрачение, сплошное безумие. Спрашивать, нужна ли вера в Бога, — уже один этот вопрос со стороны социализма показывает его безрассудство. "Жизнь без Бога, — отвечает швейцарский профессор философии Навилль, — жизнь обезглавленная. Но и это сравнение еще слабо. Жизнь без Бога делается подобною человеку, который сразу лишится и головы и сердца" (Навилль. Небесный Отец. С. 23). "Самое пагубное дело, — разъясняет один из величайших христианских святителей Григорий Богослов, — не чтить Бога и не знать, что Он — Первая Вина всяческих, от Которой все произошло и пребывает, соблюдаемое по неизреченному чину и закону" (Григорий Богослов. Творения. Ч. V. С. 125). Всемирно известный английский писатель Карлейль совершенно справедливо называет безбожников "бедными тупицами" и "несчастливыми смертными". "К чему атеисту все его цивилизации и разные полезные знания, — восклицает этот писатель, — когда он утратил самое начало всех человеческих знаний — знание самого раннего пробуждения души, первого указания небес" (Карлейль. Памфлеты последнего дня. С. 41).

Социалистический бог

— Что всего удивительнее, — продолжал Шалаев, — сам социализм таит это "знание", эту искру Божества, в своей вере в человека. Но только не хочет признать за этой искрой божественного происхождения, считает ее чисто человеческой, хотя в то же время обожает ее и наделяет ее титулами и свойствами, присущими Божеству. Вот что об этой божественной искре в человеке говорит от лица социализма комиссар народного просвещения товарищ Луначарский: "Бог как Всезнание, Всеблаженство, Всемогущество, Всеобъемлющая Вечная жизнь есть действительно все человеческое в высшей потенции. Тогда так и скажем: Бог есть человечество в высшей потенции. Но человечества в высшей потенции не существует? Святая истина. Но оно существует в реальности и таит в себе свои потенции. Будем же обожать потенции человечества, наши потенции" (Сборник "Очерки по философии марксизма". С. 169).

— Видите, товарищи, — обратился к ним Шалаев, — во что верует социализм, что он обоготворяет, что признает Всемогущим и Вечным Богом? Потенции, скрытые в человечестве!

— А что такое потенции? — последовал вопрос со стороны товарищей.

— Это мы сейчас узнаем от лектора. Он, как проповедник социалистической веры, богослов социализма, должен разъяснить нам это богословие своей религии. Что это

за таинство такое в вашей вере — потенции, обладающие божескими свойствами? Разъясните-ка нам этот догмат социализма, — обратился Шалаев к Ярославскому. Тот совершенно не ожидал каких-либо вопросов со стороны возражателя, и поставленный вопрос захватил его врасплох.

— Время вашей речи кончилось, — ответил Ярославский, очевидно, не зная, что сказать.

— Нет, за ним еще пять минут, — заметил председатель.

— Я не о времени вас спрашиваю, — разъяснил Шалаев лектору, — а о потенциях: что это за божественная тайна в вашей социалистической вере? Вы должны знать ее, иначе что же вы за лектор! Вы должны и нам раскрыть ее, в противном случае мы не будем знать, во что же вы веруете. Разъясните.

Ярославский был в большом недоумении и в безвыходном затруднении. Он, очевидно, сам плохо знал догматически религиозную основу социализма. Может быть, даже впервые услышал, что Луначарский, этот великий авторитет в социалистическом богословии, дал социализму религиозное и богословское истолкование. Но сознаться в своем незнании своих же писателей и, что еще позорнее, в незнании своей же социалистической веры не позволяло лектору его положение. Он попросил Шалаева подать ему книгу, в которой изложен мудреный догмат социализма о потенциях и о каком-то Всемогущем и Всеблаженном Божестве, может быть, надеясь тут же, на этой странице, где читал возражатель, найти разъяснение этому догмату. Шалаев подал книгу и указал нужное место. Долго Ярославский просматривал его, прочел про себя всю страницу, не раз перелистал всю книгу, пробежал оглавление ее. И Гойхбарг заглядывал в роковое место книги, но на этот раз не мог ничем помочь лектору. Молчал и Шалаев, с улыбкой поглядывая на публику, словно говоря ей: "Вот, пускай-ка эти мудрецы разберутся в своих собственных догматах. О христианских они слишком развязно говорят, рубят их сплеча, как вор, взламывающий сложный замок сундука, а своих простых узлов не сумеют развязать". Публика напряженно ждала ответа от лектора. Он наконец, порядочно-таки вспотевший над книгой, ответил:

— Ну да, тут ясно, о чем речь идет: о наших потенциях. Товарищ Луначарский говорит об эволюции человечества. Оно постепенно развивается, как например, развивается и растет ребенок или растение. Это общеизвестный закон. О чем же вы, собственно, спрашиваете? Разве вам это не известно? — с оттенком иронии спросил лектор Шалаева.

— Закон эволюции я хорошо знаю, — ответил Шалаев, — и не о нем я вас спрашиваю, хотя на нем товарищ Луначарский основывает социалистическое божество. Я спрашиваю о самом этом божестве. Социализм, оказывается, не обходится без бога. Какой-то бог у него есть. Так как вы назначили диспут по вопросу, нужна ли вера в Бога, то вы должны прежде всего раскрыть, выяснить и представить нам своего, социалистического, бога. А потом мы уж и решим: нужна ли вера в этого бога и нужен ли он сам? По Луначарскому, этот ваш бог заключен еще, подобно ребенку в утробе матери, в каких-то потенциях человечества. Я и прошу вас разъяснить: что это значит? В каких-то потенциях скрыт ваш социалистический бог?

Для товарищей было совершенной неожиданностью, каким-то чудесным открытием, что социализм, который, как они хорошо знали, отвергает Бога и религию, считая их

суеверием темных масс, вдруг оказывается сам с богом, да еще с каким чудным! Не выросшим еще, несозревшим, находящимся в потенциях, как ребенок в пеленках. Они впились глазами в лектора и ждали еще с большим, чем публика, напряжением разъяснений от него.

— Да я уже вам ответил, — с раздражением отвечал Ярославский, — потенция — это скрытая в каком-нибудь предмете сила, способная в нужный момент к действию. До времени она не проявляет себя, ее даже трудно подозревать. Но она есть в возможности, как вот, например семя какого-нибудь растения заключает в себе все это растение. Но оно не показывается, не выходит из семени, пока его не посадишь в почву, не дашь ему условий к прорастанию. Точно так же и в человечестве в такой же потенции, то есть в скрытой возможности, как в семени, заложено все его будущее развитие, его сила и величие.

Ярославский давал эти разъяснения, как заметно было, неохотно и с большой осторожностью: он, по всей вероятности, догадывался, что возражатель ведет его к какому-то опасному месту, на котором можно провалиться с этим социалистическим божеством. Но на самом деле Шалаеву только хотелось раскрыть, что, собственно, и социализм заключает в себе — в своем учении, в своих стремлениях, в своей вере и надежде, в глубинах своего сознания — идею Божества. Но только она затемнена в нем и извращена. Он внутренне чувствует Бога, как слепой чувствует солнце, но не познает его, не видит его света, хотя и пользуется его творческой, жизнеподательной силой. Шалаев поэтому продолжил разъяснения Ярославского о потенциях, стараясь как можно понятнее и доступнее изложить их перед товарищами, большинство которых едва грамотно.

Бог в потенции

— Потенции — это все равно что яйцо курицы: курица ведь из яйца происходит, без него курицы не бывает. Если мы разобьем свежее яйцо, то в нем увидим только белок и желток, и больше ничего. Но более внимательный глаз заметит здесь еще маленький студенистый узелок. Это зародыш. В нем и заключается цыпленок, из которого потом вырастает курица или петух. Положите под курицу на два-три дня яйцо, и вы уже заметите в нем некоторые очертания, из него уже начинает вырисовываться цыпленок. Он был в потенции, то есть в скрытом состоянии, невидимом для нас, теперь же он обнаруживается, выбирается на свет Божий из скрытого состояния. Мы уже начинаем его замечать, а потом он и совсем вылезет из скорлупы — живой, с перьями и крылышками: вместо яйца стал цыпленок. Возьмите для большего уразумения другой пример. Вы приходите к фотографу сниматься. Он наводит на вас фотографический аппарат, вставляет в него особое матовое стекло и — щелк! — готово: вы уже сфотографированы — ваше лицо изобразилось на стекле. Но видеть изображение еще нельзя; оно скрыто в стекле, находится в потенции. Чтобы оно выявилось, фотограф кладет стекло в особую жидкость, и только тогда появится на нем отчетливое изображение вашего лица. Такие проявления вещей из потенции, то есть из скрытого, невидимого состояния, мы наблюдаем повсюду. Вы видите, например, величественное здание или какую-нибудь художественную картину. Эти вещи, прежде чем появиться на свет Божий, были в виде плана в голове архитектора или

художника. Они были там в потенции. Архитектор сначала в голове имеет план здания, а потом уже строит его с помощью рабочих рук в материальном виде. Так же творит и художник: если же в его голове пусто, то никакие краски не помогут ему нарисовать картину, она должна быть создана сначала в голове, должна быть прежде в потенции, а потом из нее, как цыпленок из яйца, — появиться на полотне или на бумаге. Так и все другое создается в мире. Ничего нет и не может быть без потенций, без зародыша, без зачатия. Поняли теперь, товарищи, что значит потенции? — спросил Шалаев.

— Поняли! Поняли! — раздались несколько голосов с их стороны.

- Вот в таком, именно потенциальном, скрытом, не выявленном еще состоянии находится в человечестве и социалистический бог — продолжал разъяснять Шалаев. — Все человечество, по учению социализма, представляет из себя как бы яйцо, которое постепенно делается цыпленком, а затем вырастает в курицу. Человечество с каждым столетием все развивается, постепенно обнаруживая все новые и новые силы и способности: становится умнее, образованнее, культурнее, сильнее. И в конце концов оно разовьется до такой степени, что будет походить уже не на яйцо, а на цыпленка и даже на курицу. Станет выявившимся, выросшим и оперившимся богом — всемогущим, всезнающим, всеблагим, вечным, как величает его Луначарский. И теперь этот бог всемогущ и всезнающ, но только находится в потенции, как план дома в голове архитектора или картина в голове художника; как цыпленок в зародыше или растение в семени.

Кто создал социалистического бога?

— Теперь я хочу знать от лектора, — Шалаев повернулся в его сторону, — кого он считает более умным, более сильным, более чудесным: план ли здания или его архитектора, картину ли или ее художника?

Ярославский не сразу ответил на этот вопрос. Он довольно долго молчал, очевидно, придумывая, как бы уклониться от него. Но ничего не мог придумать, чтобы уклониться от столь ясного и прямого вопроса.

— Конечно, — как-то уныло промямлил он, — архитектор и художник умнее своих созданий.

— Ну а в природе что чудеснее: яйцо ли с своими потенциями или та сила, которая создала его? Семя ли с своими скрытыми возможностями или их Создатель? Что чудеснее и разумнее?

— Их создала природа путем развития, эволюции, — ответил Ярославский.

— Я не спрашиваю, кто их создал — пускай природа или кто там другой. Я спрашиваю: кто из них чудеснее и разумнее — дивное ли, непостижимое в своих потенциях яйцо или Тот, Кто его создал? Кто разумнее и чудотворнее — семя ли с его таинственными потенциями, неуловимыми нашим разумом, или Тот, Кто создал его, Кто вложил в него эти планомерные, целесообразные и чудесные потенции?

— Я не обязан вам отвечать. Ваши минуты кончились. Слово принадлежит товарищу Гойхбаргу, — с раздражением и волнуясь ответил Ярославский. Но председатель не предоставил слова Гойхбаргу. Не поддержали лектора и товарищи. Напротив, с их стороны раздались настойчивые требования:

— Просим отвечать! Просим, просим!

Раскрасневшийся Ярославский поднялся с своего места и пошел к выходу, показывая публике свой жирный, лоснящийся затылок. Шалаев обратился со своим вопросом к Гойхбаргу.

— Все в мире, — ответил тот, — развилось естественным путем, по законам эволюции. И семя, и яйцо, и все прочее развилось само собой из первоначальной клеточки.

— Как так само собой? — удивился Шалаев, — Значит, и план архитектора, и картина художника сами собой создаются, без архитектора и художника? А в первоначальной клеточке было ли заложено потенциально, как, например, в яйце цыпленок, все разнообразие растительного и живого мира или оно произошло и развилось из ничего?

— Ну нет, из ничего не бывает ничего, — быстро ответил Гойхбарг.

— Стало быть, в этой первоначальной клеточке, — продолжал допытываться Шалаев, — было все дано? Все начерчено, как на фотографической пластинке: все виды растений и животных — словом, весь богатый, необъятный мир органической жизни? Первоначальная клеточка была как бы единственным всемирным яйцом или семенем? Так, по-вашему?

— Я не понимаю, к чему эти вопросы, — уклонился Гойхбарг от ответа. — Тема лекции — "Нужна ли вера в Бога?" А вы ставите биологические вопросы: откуда яйцо да откуда семя? Я удивляюсь, как это товарищ председатель не поставит вас в должные рамки, — вызывающе добавил Гойхбарг.

Председатель, с интересом слушавший развивавшийся диспут, объяснил, что Шалаев стоит именно на лекторской теме. Он добивается узнать: откуда произошел тот бог, о котором пишет народный комиссар просвещения товарищ Луначарский, и нужно ли в него веровать?

— Я нахожу, — авторитетно заключил председатель, — что возражатель ничуть не уклонился от темы.

— Диспут объявлен о христианском Боге, а не о том, о котором трактует товарищ Луначарский, — оспаривал председателя Гойхбарг.

— Мы посылали приглашения на диспут, — разъяснил председатель, — представителям всех религий, даже шаманской. И все они могли говорить здесь о каком им угодно боге. В качестве губернского комиссара я гарантировал им свободу слова и неприкосновенность личности.

Гойхбарг замолчал. А Шалаев, получив такую неожиданную поддержку со стороны председателя, еще с большей смелостью повел диспут.

— Товарищи! — обратился он к ним. — Вы видите, как постыдно уклоняются ваши проповедники и богословы от вопросов о вашем социалистическом боге, стыдятся показать вам его: кто он? откуда он? Точно он ворованная вещь, за которую придется отвечать. Он действительно сворован, это я вам покажу. Я ничуть не уклонялся говорить о Том Всемогущем истинном Боге, в Которого веруем мы, христиане, Который создал весь мир и без Которого ничто не существует. И насколько позволяло время и как умел, я доказал, что в этого Бога нужно веровать.

Но нужно ли верить в социалистического бога? И прежде всего, что это за бог?

Великий богослов социализма Луначарский разъясняет, что этот бог — всезнающий, всеблаженный, всемогущий, всеобъемлющий, вечный. Как не преклониться перед таким богом? Как можно не верить в него? Но где же он находится? Луначарский, прекрасно и тонко знающий все догматы и все таинства социализма — недаром же он попал в министры народного просвещения! — заявляет, что бог этот находится в "высшей потенции человечества" и что человечество — это не фантазия, не пустая мечта; оно, по решительному заявлению Луначарского, существует "в реальности", в действительности, в самой жизни, — существует уже теперь и "таит в себе свои потенции". "Будем же, — с восторгом восклицает и приглашает народный комиссар, как пламенный жрец социалистической религии, — будем же обожать потенции человечества, наши потенции!" Значит, эти потенции и есть бог социализма, именно в них заставляет нас верить социализм или боготворить. Что такое потенции, это было вам уже разъяснено с возможными подробностями. Как в яйце скрыт цыпленок, а в семени — растение, и только стоит одно согреть, а другое — бросить в почву, как постепенно начнет из яйца образовываться птица, а из семени — растение, так в потенциях человечества, в его недрах, в его духе сокрыт всемогущий и вечный бог, который постепенно, с течением веков и тысячелетий, все больше и больше обнаруживается, проявляется, растет и, придет время, совсем вылупится из человеческой скорлупы. Все ясно и понятно. Этот бог социализма, так сказать, яичный или семенной, сидит еще, притаившись, в зародышевом яйце или в семени. Но я никак не могу добиться от своих собеседников: откуда взялся этот бог? Кто создал эти потенции человечества, которые социализм признает своим единственным и всемогущим богом? План здания создает архитектор, картину — художник, яйцо — разумная сила природы, семя — та же сила. Ну а бога социалистического кто начертал, как план? Кто заложил его в потенциях человечества? Кто дал ему направление, силу развития и тому подобное? Кто? Отвечайте! — настойчиво потребовал Шалаев от Гойхбарга.

Человечество — становящееся божество

Гойхбарг молчал. С видом сожаления смотрел на него председатель собрания. А в это время кто-то из задних рядов во все горло закричал:

— О-тве-ча-ай-те-е!

Это требование поддержали и другие голоса, даже со скамей товарищей. Гойхбарг вынужден был отвечать.

— Товарищи! — начал он. — Человечество развивается постепенно. Сначала оно было в диком состоянии, зверином: первобытные люди жили в лесах, на деревьях и в пещерах, — был у него пещерный период. Потом люди стали заниматься скотоводством, потом — земледелием. Жизнь их стала устойчивее, самостоятельнее, они стали меньше зависимы от природы. В этом состоянии уже видим зачатки культуры: обработку земли, разведение домашнего скота — это уже культурная деятельность. Посмотрите, какая развилась техника, производство, наука. Мы на самом деле становимся всезнающими и всемогущими. Мы подчинили себе силы

природы, заставили их работать на себя. Этот процесс возрастания товарищ Луначарский и называет боготворчеством. Мы творим, как боги, мы сильны, как боги. Человечество — становящееся всемогущее божество. Кто может отрицать это? Только слепой! Оно идет к своим целям богатырскими шагами. Нас ждет впереди светлое будущее. Мы уже видим его манящую зарю, его волшебные абрисы. Социализм твердо верит в силы объединенного человечества. И вера эта есть наша несокрушимая сила, это гранитная скала, о которую разбиваются все волны буржуазии. Крепко держитесь, товарищи, этой веры. Не выпускайте из своих богатырских рук красное и святое знамя социализма! Наши потенции действительно божественны.

Гойхбарг старался говорить с подъемом, с воодушевлением, он, очевидно, привык действовать на чувства толпы, всегда увлекающейся громкими, фейерверочными фразами. Товарищи наградили его аплодисментами. Но ответа на вопрос Шалаева они все же не услышали от своего оратора. Может быть, только самые тупые из них могли эту речь Гойхбарга принять за ответ. Но и они должны были убедиться из последовавших разъяснений Шалаева, что никакого ответа не дал их трескучий оратор.

Вопросы, приводящие к Истинному Богу

— Я очень доволен, — начал говорить Шалаев, — что мой собеседник так красноречиво и так убедительно выяснил, что в человечестве таятся божественные силы, постепенно обнаруживающиеся. Луначарский признает их всемогущими, всезнающими, всеобъемлющими, вечными. Все это ясно, и об этом мы уже много говорили. Я только добиваюсь узнать: кто заложил в человечество эти божественные возможности? Кто начертал в нем этот дивный план постепенного развития до божеского состояния? Кто дал ему в потенции всезнание, всемогущество, всеблаженство? Я не отступлю от этих вопросов и требую на них ясных, категорических ответов. Отвечайте!

Взоры публики были устремлены на Гойхбарга. Она как бы удерживала, приковывала к месту Гойхбарга своими устремленными к нему взглядами. И это чувствовал Гойхбарг, уйти ему никак нельзя было. Снова он поднялся отвечать. На этот раз он был очень краток.

— Природа дала человечеству все эти возможности, — ответил он, но как-то смущенно, точно школьник, плохо знающий заданный урок.

— Прекрасно! — воскликнул Шалаев. — Так бы давно было нужно ответить. Теперь разъясните следующее. Мы, разумные люди, таящие в себе божественные возможности, приходим в изумление от той сложной и чудесной потенции, которая заключается в семенах растений и в яйцах птиц. Это действительно чудо: не потому только, что мы, награжденные от природы божеским могуществом, не можем создать ни семени, ни яйца, но и потому, что, обладая, по Луначарскому, всеведением, не можем даже постигнуть этого внутреннего строения семени и яйца. Оно выше всех наших разумений, всех наших познаний. Разум наш пасует перед этой тайной природы. В самом деле, задумайтесь над этим чудесным творением. Берем мы, например, семя яблочного дерева. Что мы видим в этом крошечном зерне? Простую мякоть и кожицу. И больше ничего. Даже в микроскоп большего не увидим. А между

тем в этом, по-видимому, ничтожном семени уже дано в потенции, в таинственном сокрытии, все дерево с его корнями, стволом, ветвями, листьями, цветами и плодами. Какая же, подумайте, дивная сложность заключается в этом крохотном строении. Самый замысловатый план архитектора, самое грандиозное здание, им построенное, самое величественное сооружение человеческого гения должны казаться ничтожными в сравнении с тем планом, который дан каждому семени, каждому яйцу. Но я хочу знать свойства той силы, которая создала эти непостижимые нашим умом планы. Я спрашиваю: что же чудеснее, что разумнее — семена ли и яйца с их потенциями или та сила, которая их создала и дала им непостижимые законы развития? На это я прошу ответить.

— Это совершенно излишний вопрос, — несколько высокомерно ответил Гойхбарг. — Кто же будет утверждать, что, например, план здания разумнее самого архитектора? План — вещь мертвая, а архитектор может их создать в своем гениальном творчестве целые тысячи, один дивнее другого. Никто не может и подумать, что семя или яйцо, как бы ни приводили они нас в изумление, разумнее создавших и развивших их сил природы.

— Но человечество, — подхватил сейчас же Шалаев, — и в отдельности каждый человек, несравненно превосходит по своей разумности, по своим силам и своим потенциям все семена, все яйца и все творения, какие мы только видим и знаем. Не так ли?

— Конечно, — безоговорочно подтвердил Гойхбарг.

— Значит, — продолжал Шалаев, — и та сила, которая наградила человечество божественными потенциями, бесконечно превосходит и само человечество, и те силы природы, которые создают семена и яйца?

— Да это одна и та же сила природы, — возразил Гойхбарг, — она и семена создает, она и человека творит.

— Хорошо, пускай будет так, — согласился Шалаев. — Я спрашиваю: разумнее ли она, чудеснее ли, превосходнее ли человечества со всеми его божественными и всеблаженными потенциями? Вот о чем вопрос! — почти крикнул на Гойхбарга Шалаев. Тот давно догадался, к чему ведет вопрос возражателя и сколь роковое значение имеет он для атеизма, а вместе и для социализма, стоящего на атеистической основе. Он поэтому и уклонялся от прямых ответов на него. Но, припертый к стене, доведенный до последней точки, этот агитатор атеизма никуда уже не мог увильнуть и вынужден был ответить:

— Да, конечно, превосходнее.

— И разумнее?

— Да, — сквозь зубы процедил Гойхбарг.

— Прекрасно! — с торжественным видом воскликнул Шалаев. — Теперь мы с вами дошли до ясных, бесспорных пунктов, где можем прийти к единой вере в Единого Всемогущего Бога.

Лекторский трюк с придуманными возражателями

Гойхбарг смотрел на Шалаева с растерянным видом. С некоторым недоумением смотрели на него самого товарищи, которым, вероятно, еще не ясен был сам собою вытекавший вывод из ответа Гойхбарга.

— Социализм признает, — продолжал Шалаев, — что человек в своих высших потенциях божествен, всемогущ, всезнающ, всеблажен, вечен, что он — Бог. И Луначарский с гордостью заявляет, что именно этого бога и чтит социализм, в него верует, на него надеется, его обожает. Но та творческая сила, которая создала этого социалистического бога, которая вложила в него чудесные потенции, бесконечно превосходит его, беспредельно разумнее его, чудотворнее, божественнее. Что представляет собой какое-нибудь зернышко или яичный зародыш в сравнении с необъятными силами природы? Они все равно что капля в океане воды или песчинка в пустыне Сахара. Так же ничтожно и человечество в сравнении с той Всемогущей, Всеведущей, Разумной Силой, Которая его создала. Что ж это за сила? Объясните, Исаак Соломонович, — обратился к Гойхбаргу Шалаев.

— Что это за сила? — повторил он растерянно и, немного помолчав, добавил: — Это... это — сила природы.

— Разумная ли она? — повторил свой прежний вопрос Шалаев.

— Я уже отвечал вам, что разумная.

— Сознательная ли она? То есть сознает ли она себя, как, например, сознает себя архитектор, художник, писатель и вообще разумный человек? Или она ничего не знает и не сознает — какая-то безвольная, бессознательная, слепая сила?

— Да что вы пристаёте ко мне с этими вопросами! — вскипел Гойхбарг. — Что я, школьник какой, обязанный вам отвечать?! Вы мне не экзаменатор. Я прошу, товарищ председатель, собрание закрыть. Диспут закончен, и лектора уже нет.

— Но еще записались шесть ораторов, — заявил председатель, — и вы обещали им слово. Их нужно выслушать. Я послал за товарищем Ярославским.

— Я прошу слова, — попросил Шалаев.

— Сначала выслушаем записавшихся ораторов, — ответил председатель, — потом вам будет предоставлено слово.

— Розеншлюм! — выкрикнул председатель первую фамилию по записке, которую вручил ему лектор во время перерыва. Никто не отозвался. Председатель повторил. Опять молчание.

— Герштейн! — выкрикнул председатель следующую фамилию. Тоже никто не отозвался.

— Брюкин!

— Дуткин!

— Шлемкевич!

— Шамшанович!

Никто не откликнулся, так как все эти фамилии были придуманы лектором с целью лишить Шалаева возможности основательнее и полнее изложить свои возражения.

— Ваше слово, — заявил председатель Шалаеву.

Что такое Истинный Бог

— Граждане и товарищи! — заговорил Шалаев. — Диспут наш, очевидно, подходит к концу. Мне хотелось бы, чтобы вы ушли с ясным и определенным ответом на вопрос лекции: нужна ли вера в Бога?

Я заговорил о вере в социализм и о его боге с тою целью, чтобы открыть перед вами Истинного, Всемогущего Бога, Творца всей твари. Мне удалось подвести к Нему моих собеседников. Но они не выдерживают Его божественного света и отворачиваются от Него, убегают. Бог им Судья! Мы выяснили, что та Великая Творческая Сила, Которая создала человечество с его божественными и чудотворными возможностями, Сама божественна и в бесконечной степени всемогуща, всеведуща, вечна, разумна, сознательна. Что ж это за Сила? Гойхбарг ответил, что это сила природы. Но мы все знаем, знают это даже школьники, что силы природы бессознательны, безвольны, слепы. Разве солнце знает себя? Разве луна знает свой ход? Разве весь планетный и звездный мир рассуждает, понимает, действует по собственной воле? Он так же бессознателен, как и машина, которая действует хотя и разумно и целесообразно, но бессознательно и безвольно: она не понимает, что делает. В ней нет собственного разума и собственной воли. Человек же действует сознательно: он знает, что он делает, он понимает свои поступки и совершает их по своей воле, он и самого себя сознает. По этим своим свойствам он и божествен. Стало быть, та великая и всемогущая Сила, Которая наградила человека этими божественными свойствами, есть сверхприродная Сила. Она разумнее всего мира. Она премудрее всей природы, могущественнее всех ее сил. Она — Начало всякой силы, Начало разума и премудрости, Источник всякой жизни. Эта Вечная, Всемогущая, Вездесущая Сила и есть Бог, Творец Вселенной. Он именно создал человека и вдунул в него чудесные потенции. Луначарский верно говорит, что эти потенции божественны. Великую идею о божественности человека социализм своровал у нас, у христиан. Это глубочайшая библейская Истина. Именно в Библии говорится, что Бог создал человека по Своему образу и подобию. Но, похитив эту идею у нас, социализм извратил ее, низвел до пошлости, до обоготворения твари, до языческого идолопоклонства. Образ Божий заключается не в теле человека, не в его чувственности и плотских страстях — все это не божественное, а смертное, земное, что имеют и все скоты и все звери. Образ Божий начертан в бессмертной человеческой душе, в ее свободе, в ее разуме, и выражается в ее постоянном стремлении стать выше природы, сделаться вполне божественной — стать богом.

Социалистическое идолопоклонство

— Но социализм, пропитанный ядом безбожия, не признает в человеке бессмертной души, отвергает и Творца ее, Бога. И на место Его ставит человечество с его смертной природой, с его чувственностью, с его тлением. Это — дикое и прямо-таки безумное извращение образа Божия. Невидимые, необоняемые, неосязаемые и, значит, духовные потенции человечества социализм признает божественными, всезнающими, всемогущими, а Самого Бога, Источника этой божественности, не признает. Это же философия свиньи, знающей одни лишь желуди и не имеющей никакого понятия о

дубе, от которого они произросли. Разве не нелепо признавать портрет на фотографической пластинке и в то же время отрицать живое лицо, с которого снята фотография? Разве не абсурд — восхищаться зданием и не признавать архитектора, очаровываться картиной и отвергать художника? Представьте сборище людей, которое молится великолепному зданию, приносит ему жертвы, читает перед ним хвалебные акафисты, а строителя здания совсем не признает и не знает. Такое идолопоклонство безрассуднее старого, грубого язычества, поклоняющегося звездам и планетам, обоготворяющего гром, молнию, ветер, даже некоторых животных — крокодила, змей, быков и тому подобное. Язычество все же прозревало за этими тварями Божество. А социалистическое человеко-поклонничество не знает и не хочет знать никакого Творца позади человечества, никакого Божества, стоящего выше человека. Социализм боготворит только человека, только его признает единственным, всемогущим, всезнающим богом. Но каков на самом деле этот социалистический бог? Есть ли он в действительности и где он? Все мы прекрасно знаем, что человечество далеко не всемогуще. Какая-нибудь вошь приводит его в содрогание и ужас. Где уж тут быть всемогущим! Далеко оно и не всезнающее. Что будет завтра — оно даже этого не знает. А уж о всеблаженстве горько даже и говорить в наше время, переполненное ужаснейшими бедствиями, неисчислимыми несчастьями, невероятнейшими страданиями. Задыхаемся в атмосфере горя и скорбей, утопаем в слезах и крови. И это — всемогущий, всеведущий, всеблаженный бог?! Прах это и пепел, а не бог; ничтожество, а не божественное величество.

Строители бога

— Но Луначарский, как признанный авторитет в социалистическом богословии, разъясняет, что сила и величие социалистического бога сокрыты в потенциях человечества, там притаился до времени настоящий бог социализма, и постепенно он выберется оттуда. Он пока еще в зародыше, сидит там, как цыпленок в яйце. Но кто его оттуда извлечет? Кто его высидит? И когда наконец он вылупится из яйца? Товарищ Луначарский с похвальной откровенностью разъясняет: "Социализм как доктрина есть истинная религия человечества, обнаженная от мистических покровов, в какие одевали его недоразвитость ума и чувства наших отцов. Все человеческое сотрудничество ставит перед собой цель: должен быть бог живой и всемогущий. Мы — строители его. Научный социализм абстрактно раскрывает в основных чертах процесс богостроительства, иначе называемый хозяйственным, процессом" (Театр. Книга о новом театре: Сборник. СПб.: Шиповник, 1908. С. 27).

Во время чтения этой цитаты возвратился в зал Ярославский и занял свое место. Гойхбарг тотчас же начал ему что-то говорить, по своему обыкновению энергично жестикулируя. Шалаев же продолжал свою речь:

— Бога социалистического еще нет. Но он должен быть. По уверению социалистического богословия, все человечество ставит своей задачей во что бы то ни стало построить бога, извлечь его из человеческой скорлупы, выявить его из потенций человечества. Главным образом об этом заботится социализм. "Мы — строители бога", — восклицает наркомпрос Луначарский. Социализм, как насадка, высиживает этого своего бога. Уже миллионы убитых и раздавленных цыплят извлечены из-под

него, сам он истекает кровью от натуги, а бог все еще не показывается. За тысячелетия человеческой истории даже дикари успели наделать множество богов. А культурный социализм все еще никак не состроит себе бога. Правда, в нашу революцию он довольно отчетливо обнаружился, но оказался он очень похожим на того "бога", который изображается на иконах с рогами и хвостом. Не этим ли Веельзевулом хотят социалисты облагодетельствовать все человечество? Я очень рад, что наш лектор возвратился. Сейчас мы порасспросим его о социалистическом боге.

— Скажите, пожалуйста, — обратился Шалаев к Ярославскому, — когда же наконец появится на свет Божий ваш социалистический бог, в которого вы веруете?

Ярославский был захвачен врасплох неожиданным обращением к нему Шалаева. Выслушивая Гойхбарга, он совсем не слышал, что говорил Шалаев, и когда последний замолчал, он удивленно посмотрел на него, не понимая, почему тот остановился.

— В чем дело? — спросил он наконец, догадавшись по упорному взгляду Шалаева, обращенному к нему, что тот ждет от него какого-то ответа.

Шалаев повторил прочитанную цитату и снова поставил вопрос: когда наконец состроится социалистический бог?

— Вы все еще об одном и том же говорите, — с неудовольствием сказал лектор Шалаеву.

— Да, все еще о теме вашей лекции — все о том, о чем вы назначили диспут, — ответил тот.

Когда состроится социалистический бог

Ярославский опять взял у Шалаева книгу, чтобы ознакомиться с прочитанным местом. На этот раз он недолго усваивал мысль Луначарского: она была ясна. Он ответил Шалаеву:

— Луначарский называет богостроительством человеческий прогресс. Человечество постепенно прогрессирует, становится из года в год культурнее, образованнее, обнаруживая в себе все больше и больше силы и все больше и больше побеждая природу и заставляя ее служить себе. Этим путем развития оно становится богом, как определяет товарищ Луначарский. Это вполне научная идея. Ее утверждают и буржуазные ученые.

— Скажите же, — допытывался Шалаев, — когда же этот боготворческий процесс завершится?

— Прогресс бесконечен, вечен, он никогда не завершится, — ответил лектор. — Человечество всегда будет идти вперед, застоя в нем не может быть. Таков закон истории.

— Всякая история должна иметь конец, — возразил Шалаев, — иначе она будет бесцельной и, стало быть, бессмысленной. Если есть цель, то она должна когда-нибудь быть достигнута. Если нет цели, то это хаос, а не история. Предположим, что человечество просуществует еще тысячу лет, что тогда оно станет уже богом или все еще будет прогрессировать, то есть, выражаясь по Луначарскому, выявится ли ваш бог из потенциалов или все еще будет сидеть в них, как цыпленок в яйце или как растение в семени?

— И через тысячу лет не остановится прогресс человечества, — ответил лектор.

— Ну а через миллион лет?

— И тогда будет продолжаться.

— А через десять, двадцать, сто миллионов лет?

— Да прогресс вечен, ему нет конца! Я уже разъяснял вам, — с горячностью ответил Ярославский.

— Стало быть, ваш бог так никогда и не выберется из яйца, вечно будет сидеть там; даже в цыпленка не превратится? А социализм, несмотря на эту неудачу, все будет высиживать этого бога, все будет усиливаться, тужиться, кудахтать, чтобы непременно, как выражается Луначарский, "состроить бога". И так будет вечно! Забавное же это занятие. Очень потешна сама формула вашего богостроительства: "Бог должен быть, но он никогда не будет". Какой же смысл во всей этой комедии? Ведь она куда нелепее переливания из пустого в порожнее!

— Товарищи! — к ним повел свою речь Шалаев. — Уясните ли вы себе, какую бессмысленную и бессмысленную работу возлагает на вас социализм? Он признает человечество богом, но богом еще не родившимся, а лишь начертанным в потенциях. Его нужно еще родить или высидеть, как-нибудь извлечь его оттуда, из потенций. И эту почтенную операцию социализм заставляет проделывать вас и нас — всех людей, все человечество. Мы должны всеми мерами помочь этому богу выбраться из скорлупы. Не правда ли, забавный бог социалистический? Не он нам помогает, а мы его должны во что бы то ни стало выцарапать из наших потенций. Но забавнее всего, что, несмотря на все наши потуги, он так и не выберется оттуда. Социализм утверждает, что мы вечно будем высиживать этого бога, и все-таки не высидим. И он бессилен превратиться ну хотя бы в цыпленка, да и мы ничего не можем поделать. Друг друга стоим: оба никчемные. Луначарский откровенно признается: "Стать богом — это вечная и бесконечно отодвигающаяся цель человечества" (Там же. С. 27). Так зачем же, спрашивается, браться за невыполнимую работу? Зачем высиживать этого бога, когда он никогда не высидится? Ни одна хозяйка не посадит наседку на такие яйца, из которых никогда ничего не выйдет. А социализм знает, что мы никогда не высидим бога, однако заставляет нас проделывать эту штуку, причем не на один день или на один год поручает нам эту бессмысленную и бесплодную работу, а на все времена, на веки вечные. Подумайте: не безумие ли это? Ведь нас заставляют решетом вычерпывать воду из океана...

— Позвольте, позвольте! — перебил речь Шалаева Ярославский. — Вы играете словами и злоупотребляете определениями Луначарского человеческого прогресса. Именно прогресс человечества, развитие его, постепенное раскрытие его сил и способностей Луначарский называет боготворчеством. И так как этот прогресс будет бесконечным — он вечен, — то ясно, что это боготворчество будет бесконечным.

— Стало быть, этот бог никогда не будет сделай?

— Да, никогда. — ответил Ярославский, но сейчас же спохватился: — То есть никогда не завершится развитие человечества. Но с каждым успехом этого развития человечество будет становиться божественнее, то есть более знающим, чем его предшествующее поколение, более сильным, более счастливым и блаженным.

— А дальше что будет?

— Так вечно и будет развиваться человечество.

— Без конца?

— Без конца.

Конечная гибель социалистического бога

— Да разве вам не известно, что астрономия и геология утверждают, что земля наша погибнет и что самое солнце погаснет?

— Но когда это еще будет, — с задором ответил лектор. — Через миллионы лет.

— Да пусть даже через десятки миллионов лет, — возразил Шалаев. — Но все же конец мира будет. Даже такая точная наука, как физика, заявляет, что этот конец неизбежен. Последнее положение теории теплоты, заявляют физики, таково: вся жизнь в мире идет навстречу своей смерти. Вот вам и ваша бесконечность и ваша вечность! Скажите же: что же тогда станет с вашим социалистическим богом? Неужели и он, бедняга, погибнет, так и не выбравшись из скорлупы?

Этот вопрос звучал явной насмешкой, и Ярославский не счел нужным отвечать на него; собственно, и да требовалось на него ответа, ибо и без того ясно было, что не только этот никчемный бог погибнет, но и от самих богостроителей ничего не останется: и социалистическая насадка со всеми ее потенциями, и чудесное яйцо с заключенным в нем богом, и все приобретения человечества, весь его прогресс, вся его культура, — все погибнет, все превратится в пепел.

— Мы подошли, таким образом, — начал Шалаев уже серьезно, — к основному вопросу человеческого бытия: в чем же смысл и цель этого бытия? Будет человечество развиваться, согласимся, миллионы лет. С каждым столетием будет становиться культурнее, сильнее, божественнее, и когда, наконец, достигнет наивысшей степени развития, когда оно уже могло бы стать совсем богом, вдруг — мировая катастрофа, и все стало прахом! Это самая ужасная трагедия, какую только можно себе представить. Какой же смысл во всей нашей истории, если у нее такой печальный конец? К чему все наши усилия, если они закончатся гибелью всех их результатов? Ни один полководец не начнет войну, если заранее знает, что она будет проиграна, что неизбежно погибнет и он, и вся его армия. Ни один архитектор не станет строить дом, если знает, что дом все равно рухнет, да еще в такой момент, когда будет доведен до последней отделки. Только разве безумцы, ни о чем не рассуждающие, будут вести такую войну и строить такой дом. А мы прекрасно знаем, что вся постройка культурного человечества, вся наша борьба, все наше творчество, все усилия и самая жизнь, и само человечество кончатся именно гибелью — неизбежною, неотвратимою, с каждым мгновением приближающейся к нам, как завтрашний день или как смерть каждого из нас. При таком конце вся жизнь человечества является чудовищной бессмыслицей, все бытие наше, как выразился один французский биолог, — "страшной чертовщиной". Зачем тогда жить? Зачем страдать и мучиться? Зачем все эти колоссальные жертвы социализма — бесконечные миллионы убитых, растерзанных и замученных? Зачем все это? Только затем, чтобы в полном расцвете погибнуть, чтобы бесследно исчезнуть в космической бездне. Строим великолепный корабль затем только, чтобы вместе с ним пойти в бездонную морскую пучину. Во всем этом — какое-то дьявольское безумие. А тут вы еще навязываетесь с вашим яичным богом, с вашим курьезным и бессмысленным боготворчеством.

— Ну довольно! — решительно и требовательно крикнул Ярославский. — Пора заканчивать!

Лектор поднялся со своего места и подошел к кафедре, очевидно, намереваясь говорить свое последнее слово. Но председатель, который один только имел право остановить оратора, молчал. Поведение его дало возможность Шалаеву продолжить немного свою речь.

Смысл жизни

— Я заканчиваю. Подвожу итог моим возражениям. Такой убийственно бессмысленной жизнь наша является только с точки зрения атеистической и социалистической. Но совсем иной она представляется, и есть в действительности, при свете религиозного сознания, при вере в Бога и в загробную вечную жизнь. Настоящая наша жизнь не здесь, на земле, — это только переходный этап, одно лишь мгновение в сравнении с вечностью, — а по ту сторону смерти. Все мы бессмертны, все до Одного воскреснем для вечной жизни, для жизни в Боге и с Богом. Только при этой вере в Бога и в загробную жизнь наше пребывание на земле, все наши труды, подвиги имеют смысл и цель, имеют разумное оправдание. Отсюда для каждого из вас должно быть ясно, сколь огромное жизненное значение имеет для каждого из нас и для всего человечества вера в Бога, в Истинного Бога — Творца Вселенной, а не в какого-нибудь самодельного, высиживаемого бесплодно социалистической курицей, заключенного в давно протухшем яйце...

— Товарищи! — начал громогласно Ярославский, не дав закончить Шалаеву речь. Поднялся на этот раз и председатель. Шалаев смолк. Он тут же, около столика, присел на стул. Но через минуту поднялся, передвинул свой сверток с книгами и шапку на более заметное место на столике и пошел к выходной двери, ведущей в коридор. Она приходилась как раз против уборной. Туда и направился Шалаев. Через каких-нибудь минут пять оттуда вышел мужчина средних лет с широко распушенной бородой, с подвязанным глазом и сильно хромающий на одну ногу. Одет он был в короткую дубленую шубенку-барнаулку, голова была покрыта большой мохнатой сибирской папашой. Он прошел коридором, спустился вниз и вышел на улицу. Это был Шалаев. Еще до перерыва диспута присутствовавшие на нем члены губчека решили арестовать Шалаева сейчас же после диспута. Об этом кто-то, может быть из самих членов чеки, предупредил Шалаева запиской. Он поэтому и принял меры, при помощи своего друга, с которым пришел на диспут, избежать ареста. Он благополучно скрылся, а друг его остался слушать последнее слово лектора.

Безбожная окрошка

Ярославский ораторствовал, что называется, во всю ивановскую. Нисколько не опровергая положений и выводов возражателя, даже не касаясь их, точно их и не было, он разносил историческое христианство, особенно же господствующую Церковь; все сваливалось в одну кучу: вера в Бога и политические казни, таинства и государственные войны, богослужение и буржуазный разгул, благодать и поповские поборы. Все цвета стали черными, все подводилось под одну атеистическую мерку.

Больше всего досталось прежним помещикам, которые в одно и то же время веровали в Бога и творили ужасающие злодеяния: запарывали крестьян насмерть, держали их, как собак, на цепи; жалкую прислугу принуждали выкармливать щенят своей грудью. В таком именно духе было доведено последнее слово лектора до конца. Но, несмотря на ярко-обличительный его тон и митинговый жар, оно не произвело впечатления. Все это и товарищи, и публика в течение четырех революционных лет слышали бесконечное число раз. Повторение одного и того же всем уж надоело. Хотелось услышать от лектора разъяснений на высказанные возражателем положения и вопросы. Но этого так и не сделал лектор. Последнее слово оказалось последним банкротством. Впрочем, оно было не совсем последним. Вслед за Ярославским говорил еще Гойхбарг. Он ораторствовал о все возрастающем неверии среди всех классов и всех народов. Религии приходят в упадок: не только христианская, но и магометанская, и иудейская, и буддийская. Буржуазия всего мира проникнута безверием, и она именно первая начала боготворить потенции человечества, она первая отвергла загробную жизнь и на вечные времена начала устраиваться здесь, на земле. Рабочие классы поголовно атеистичны. Словом, безбожие по всем линиям, на всех пунктах и во всем мире господствует. Скоро весь мир станет атеистическим, с нескрываемым торжеством восклицал Гойхбарг.

Во время речи его друг Шалаева подал председателю записку с просьбой дать ему слово, как своевременно записавшемуся, но не воспользовавшемуся своим правом. Он подписался: "Дуткин", то есть одной из тех фамилий, которые значились в списке ораторов, составленном лектором, и по которому в свое время председатель вызывал их. Ярославский был очень удивлен и даже сконфужен столь неожиданным обстоятельством: он не рассчитал, что среди публики может найтись лицо с такой фамилией, которую он с Гойхбаргом измыслил. В ответ на поданную ему председателем записку он согласился предоставить Дуткину пять минут, как и было решено в свое время. Как только Гойхбарг закончил говорить, председатель провозгласил:

— Слово предоставляется записавшемуся оратору Дуткину.

Социалистическая богородица

На кафедре появился Дуткин (будем называть его этой фамилией). Это был еще молодой человек лет двадцати трех- двадцати шести, прилично одетый и постриженный по-модному, с красивым пробором.

— Я записался возражать Шалаеву, — начал он довольно приятным, но немного глуховатым голосом, — но, выслушав речи только что говоривших ораторов, позволю возразить и им. Шалаев все время упирал на то, что человечество — божественно, что оно в своих потенциях таит божественные, чудотворные силы. Так учит социализм, так он верует. Это правильно говорил Шалаев. Но он совсем выпустил из виду, что тот же социализм учит и утверждает, что человечество произошло от обезьяны, что оно есть собственно обезьяний род, обезьянье поколение. Мы лишь выродки обезьян. Мы такие же животные, как и все животные. С истинно социалистической точки зрения мы даже не можем и не должны возвышаться каким-нибудь преимуществом над животными. Мы равны с ними. Это только буржуазия могла смотреть на

человечество как на какую-то аристократию, присвоившую себе исключительные права и преимущества в животном мире. Такой взгляд чужд и противен социализму. Я немало удивляюсь, как это лектор не догадался указать своему возражателю на основное учение социализма о равенстве всех. Одной лишь ссылкой на дарвинизм он мог бы этого потенциального бога, о котором так много распространялся Шалаев, осадить на свое место, куда-нибудь под хвост обезьяны. Правда, это существенный и единственный бог социализма. Но относительно его природы и происхождения мы и в таком случае не должны обманываться. Правда выше всего. Советская власть очень хорошо делает, что печатает на государственные средства, то есть на наши трудовые деньги, и распространяет среди пролетариев сочинения известного дарвиниста Геккеля. Вот что пишет этот великий для большевиков авторитет. Дуткин достал из шалаевского свертка книгу Геккеля "Мировые загадки" и прочитал из нее следующие строки: "Происхождение человека от обезьяны есть необходимое следствие дарвинизма, и иное научное объяснение возникновения человеческого рода невозможно". Видите, откуда ведет свою родословную социалистический бог — от обезьяны! Обезьяна — это, так сказать, социалистическая богородица.

Российская коммуна—Лемурия

— Геккель утверждает, что сотни миллионов людей даже современного человечества не лучше и не умнее обезьян. "Непросвещенный человек и грубый дикарь, — говорит он, — не более развиты, чем стоящие наиболее близко к ним млекопитающие: обезьяны, собаки, слоны и так далее". Мне думается, что если бы Геккель побывал в России и исследовал наших социалистов и коммунистов, то он признал бы Российскую коммунию настоящей Лемурией (*Лемурия — придуманная дарвинистами страна полуобезьян*), исконной родиной обезьян и полуобезьян. Он нисколько не был бы удивлен, если бы узнал, что бывали случаи, когда наши старые помещики кормили щенят грудью своих прислуг. Он нашел бы это вполне естественным. Возмущение нашего лектора подобными фактами Геккель признал бы религиозной глупостью, христианским предрассудком. Сказать откровенно, меня очень удивило это возмущение. Что это, в самом деле, — полное ли лицемерие, проделанное с демонстративными целями, или непростительное забвение лектором основного социалистического взгляда на человека и животных? Может быть, лектор возмущается не унижением и оскорблением прислуги-женщины, вскармливавшей своей грудью щенка, а принижением собачьего достоинства? Ведь только мы, христиане, вправе возмущаться этим позорным фактом, так как мы- во всяком человеке, будь это самый грубый дикарь, признаем образ Божий, которым он возвышается до неизмеримой степени над всем животным миром. А что такое, по социалистическому учению, человек? Да то же животное, та же обезьяна или собака, или даже ниже их. Тот же Геккель, сочинениями которого советская власть просвещает ныне русский пролетариат, решительно заявляет: "Некоторые из наиболее развитых собак стоят на более высокой ступени, чем старая тупоумная служанка и грубый простоватый рабочий". Слышите, что говорит и утверждает признанный вами учитель! Стало быть, по его взгляду, а также и по вашему, ибо вы — геккелевцы, была принижена в своем достоинстве не прислуга, принужденная кормить щенка своей грудью, а этот щенок.

Что такое, по-вашему, прислуга? Глупая обезьяна, не больше. А щенок? О, это умное, благородное, аристократическое животное. По-вашему, значит, глупая обезьяна кормила своею грудью благородного воспитанника (*В советских газетах сообщалось, что некоторые заведующие совхозами заставляют крестьянок вскармливать свою грудью совхозных щенят и котят, а также и других животных. — Прим. 1937 г.*). Что же тут возмутительного с вашей, дарвинистической, точки зрения? Этот старый проказник-помещик был вашего поля ягодой.

Кожух сожгли, а вшей выкармливают

— Еще больше удивило меня возмущение лектора прежними насилиями и войнами, старыми смертными казнями и расстрелами. Есть поучительная малороссийская пословица о неразумном мужике: "Рассердившись на вшей, да кожух в огонь". Вместо того чтобы повыбить вшей, мужик всю шубу бросил в печь: вши, конечно, погибли, но и шуба сгорела. Глупый мужик поступил очень нерасчетливо. Но что бы вы сказали о таком мужике, который повытаскал бы вшей и стал бы их вскармливать, а шубу сжег бы? Это был бы безумный поступок. А между тем это именно и сделал социализм. Наш талантливый писатель Гоголь дал аллегорическое толкование приведенной малороссийской пословице: шуба означает религию, а вши — преступления и злые дела последователей религии — разных этих помещиков, буржуев и всяких насильников и убийц. Какие они последователи христианства? Они — изменники, предатели, преступники. И сами они и дела их — паразиты на чистом теле христианства, это вши, расплодившиеся в шубе, то есть в христианской религии. Их бы только и нужно было, повычистить, а шубу не бросать в печь. А социализм сделал наоборот: шубу сжег, а вшей всех сохранил и даже вскармливает их, размножает. Религию социализм изгнал, а все насилия былых времен, все преступления — и тюрьмы, и войны, и смертные казни, — все это не только сохранил, как великую драгоценность, но и зело преумножил их. Старые вши при заботливом кормлении их социализмом переросли даже волков и шакалов, крокодилов и тигров. И все еще растут и растут, и вновь плодятся и размножаются. Меня несколько не удивила речь орангутанга, то есть, — поправился Дуткин, — товарища Гойхбарга. Извините, — обратился он к последнему, — я повеличал вас именем вашего прародителя, впрочем, — прибавил он, — это должно быть для вас лестно. Неверие, — продолжал Дуткин, — действительно быстро распространяется. Оно — эпидемическая болезнь, с которой, как вы знаете, трудно бороться. А если она еще сознательно распространяется, притом с помощью государственной власти, то и совсем нет возможности бороться с нею. "Дурное споро родится скоро", — говорит народная пословица. Чтобы получить с поля хлеб, сколько нужно трудов и забот, а дурная трава сама растет: ее и выпалывают, и выкапывают, а она все появляется. "Дураков не сеют, не орут, они сами роятся", — говорит другая народная пословица. Умных людей очень мало, а глупых — сколько хочешь. Еще меньше людей талантливых, ученых, просвещенных; гении же роятся только веками. Истинно верующих людей чрезвычайно мало...

— Ваше время кончилось, — заявил Дуткину председатель.

— Долой его! — крикнул тот самый товарищ, у которого нос как у филина.

— Долой! Долой! — подхватили его крик и другие такие же носы. Дуткин схватил шалаевский сверток и шапку и нырнул в публику. В этот момент председатель скомандовал товарищам петь революционную молитву. Они во все горло затянули свой "Интернационал". Публика стала расходиться. С ней вышел благополучно и Дуткин.

*Лето от Рождества Христова 1922,
месяца февраля, в 4-й день,
на память преподобного Исидора Пилусиота
и в день второй годовщины смерти
моей незабвенной матери.
Одинокая келья в сибирской тайге.*